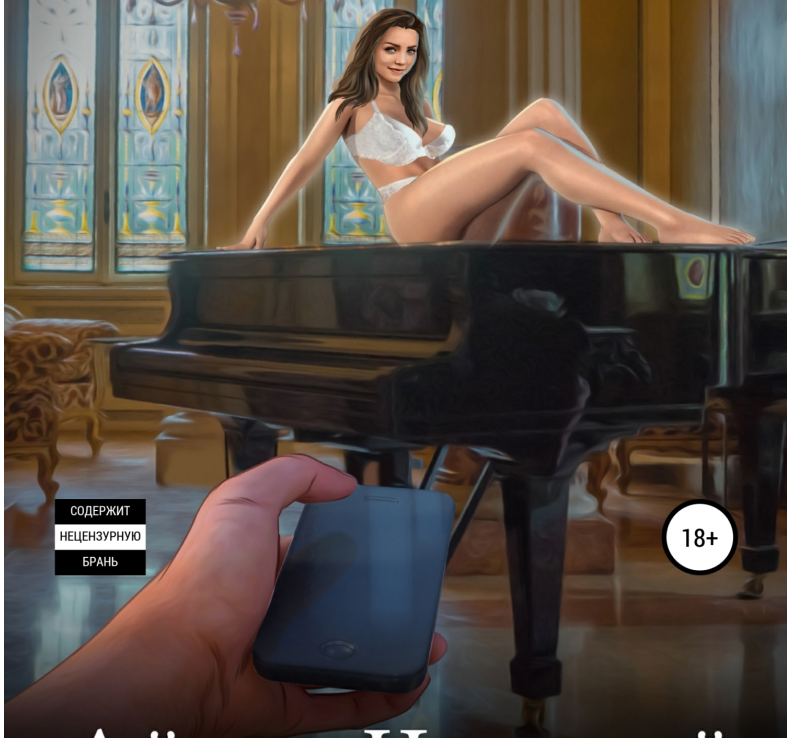

ПУЛЬТ ОТ ДЕВУШКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айвен Честный

Айвен Честный

Пульт от девушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21159212

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93425-2

Аннотация

Молодой человек, терпящий вечные неудачи в отношениях с противоположным полом, получает в свое распоряжение пульт управления женщиной. Однако, даже заполучив в свои руки такое мощное средство, он вскоре понимает, что не все так просто... Текст крайне не рекомендуется для прочтения тем, кому еще нет 18-ти.

Содержит нецензурную брань.

Айвен Честный

Пульт от девушки

Айвен Честный

Пульт от девушки

Опасна власть, когда с ней совесть в ссоре.

Уильям Шекспир

О власть с ее взглядом Медузы! Кто однажды заглянул в ее лицо, тот не может более отвести глаз: он остается зачарованным и плененным. Кто хоть раз испытал хмельное наслаждение власти и повеления, не в состоянии от нее отказаться.

Стефан Цвейг

Читателям

Не имея возможности регулировать возрастные ограничения, вынужден предупредить, что текст крайне не рекомендуется для прочтения тем, кому еще нет 18-ти.

Другие произведения автора вы можете найти или обсудить, воспользовавшись следующими ссылками:

<http://aiven-chestnii.livejournal.com/>

<https://medium.com/@Aiven>

<https://new.vk.com/id182386651>

Автор заранее признателен за сообщения об ошибках в его текстах, если таковые имеются. Приятного чтения. И спасибо Вам.

I. Занавес открывается

1. Была бы повесть, будет и печаль...

Наверное, мало что так походит на трагедию, поставленную в комедийном ключе, как ухаживание влюбленного задрота за красавицей, с которой ему, казалось бы, заведомо не суждено быть. Тот пребывает в своем субъективном мире. Он отсылает ей простыни из смсок, которые, по его мнению, являются шедеврами красноречия, звонит, чтобы просто спросить «как дела», постит слезливые статусы в надежде, что она их увидит.

Со временем, будучи не оценено по достоинству, высокопарное красноречие посланий постепенно сменяется короткими эпитетами с укором в легком поведении предмета воздыхания. Впрочем, даже после этого «последнего» аккорда, в качестве извинений могут быть отправлены стихи. И это будут действительно хорошие стихи, возможно даже заказанные у знакомого рифмоплета. А в ответ может быть получено сообщение примерно такого содержания: «Пошел ты на хер, урод! Задолбал уже меня в конец, козлина». И этот ответ наиболее точно, а главное – честно выразит истинные причины того, почему они не вместе. Впрочем, в нашем по-

вествовании не будет грубых девушек...

* * *

Катя была для Макса тем, чем для беспородного бобика является первосортная сочная вырезка за стеклянной витриной деликатесного магазина – несбыточной мечтой, которая вот-вот достанется кому-то еще. Представьте себе на секунду бессловесные мысли несчастного животного, которое НИКОГДА не попробует вкуснейшего стейка, будучи обреченным лишь созерцать, как его мечта без особого труда достигается кем-то еще. Несправедливо? Жалко? А теперь попробуйте напрячь воображение и представить, о чем должен думать стейк (да простят автора дамы за такое сравнение), испытывая на себе назойливые взгляды беспородного бобика, неспособного не только за него заплатить, но и элементарно его украсть.

Макс прекрасно осознавал, что своей назойливостью заслуживает крепкого словца. И он удивлялся Катиной выдержке, полагая, что либо родительское воспитание, либо ее обучение на вокальном отделении консерватории не позволяли ей отпустить инстинкты лярвы во все тяжкие. На пьяные и грубые послания она просто не реагировала. Катя была из тех, которой не обязательно говорить никаких слов, посылая кого-либо в зад. Ведь каждый ее воздыхатель уже априори находился там, пока она сама не соблаговолила бы его оттуда выволить.

Макс же после юношеских лет рефлексии по поводу того, какое место он занимает в социальной пирамиде среди самцов, решил, что, не имея возможности подняться выше фундамента, лучшим для него будет вообще не предпринимать никаких попыток состязаться в этой игре. Он не ушел в сферу интеллекта по собственной воле, а именно сбежал туда, получив убежище среди книг. Какое-то время ему удавалось заменять женщину лишь фантазиями. Но рано или поздно почти каждого ботана выбивает из его иллюзорного мира какая-нибудь вполне реальная баба.

Первой девушкой Макса была средней красоты разведенка из «мамбы», которая пыталась учить молодого студента премудростям секса. Первое ощущение настоящего влагища стало для него откровением. Оно, конечно, не походило на то, что ему до этого лишь только снилось, но это было гораздо приятнее, чем размороженная и изнасилованная курица. Он писал стихи и дарил конфеты своей первой Дульсинее, пока не узнал, что премудростям любви она учила не только его. Потом были отношения с одной невзрачной коллегой, по которой из всего рабочего коллектива лишь он исходил ночными поллюциями. Но когда реально дошло до дела, та лишь наигранно охала и ахала, пытаясь изобразить в постели юную Мадонну, от чего все получалось уныло и скучно. Во время секса она повторяла, как хочет маленьких «Максиков», и, в конце концов, Макс смылся от нее, сменив место работы. Затем два года, если не считать па-

ры проституток, он тоскливо дробил, пока его не поймала одна симпатичная пышка с внешностью «Веселой Хильды». Очень нелегко отказать женщине в сексе и не нажать себе врага, если она сама выступила инициатором. Макс и не стал этого делать. И не пожалел. Трахалась та особа талантливо. Есть люди, обладающие музыкальным слухом или чутьем к деньгам, а есть те, кто только своим присутствием в постели, способны заставить партнера трястись в судорогах вожделения. У нее была приятная гладкая кожа, от которой всегда хорошо пахло. Единственный недостаток «Хильды» заключался в том, что она выносила мозг сутками напролет, как будто испытывала непрекращающийся ПМС.

На ней, в принципе, и заканчивался его небогатый опыт, пока один бывший сокурсник не пригласил его к себе на день рождения, где к великому изумлению Макса, с ним стала целоваться в засос какая-то изрядно выпившая девушка, которая при этом еще и позволила ему разок потрогать свою грудь через толстый свитер. Сделала она это, как полагал Макс, просто от скуки и от того, что было темно. Да и более подходящие кандидаты для таких шалостей все уже были заняты. Так он и познакомился с Катей, которая вновь заставила его играть по правилам пирамиды самцов.

После того случая Макс несколько месяцев водил ее в кино, в кафе и даже в рестораны. Но за все это время Катя больше ни разу не разрешила поцеловать себя, кроме как в щеку. Когда-то давно одна знакомая Макса, которой он чинил

компьютер у нее дома, сказала ему перед тем, как захлопнуть дверь, что вся беда задротов не в том, что им не дают, а в том, что они не берут.

Через несколько месяцев ухаживаний за Катей, уже совсем отчаявшись, Макс предложил ей поехать вместе с ним в Египет и снять там роскошный номер на двоих. За его счет, разумеется. Он рассчитывал взять ссуду, потому что денег у свежего «послестудента» было, как шерсти с яиц ко-та сфинкса, да еще к тому же и кастрированного.

– Макс, мы только друзья, – снисходительно спокойно сказала тогда она.

– Мы сможем заниматься там дружбой, – пытался быть остроумным Макс, у которого от отчаяния и боли унижения все свело в животе.

– Макс... я начала встречаться кое с кем.

И еще вчерашний «альфа самец», который хоть единожды и очень ограниченно, но имел доступ к телу самки, превратился в царапающего клавиатуру философа, имеющего доступ только что к своей шкурке, да к пузырьку с валерьянкой. В этом мире кто-то ест стейки, а кто-то лишь жалобно на них смотрит.

На следующий же день, втянув свои яйца поглубже назад, он начал обзванивать друзей, чтобы получить от них дозу успокоительного в виде: «Да она того не стоит». Или: «Сама скоро на коленях приползет». Однако, иллюзии не менее вредны, чем наркотики. Прошла неделя, затем другая, а на

коленях почему-то так никто и не приполз. Более того, никто больше не отвечал на смс о забытом ценном диске с классической музыкой. Каждый раз, слыша долгие без ответа гудки, сердце Макса бешено колотилось в панике, а воображение рисовало сюжеты, которые заставили бы устыдиться ведущих сценаристов из Private Media Group или даже из Vivid Entertainment. И в сюжетах этих участвовала Катя, но вовсе не с Максом, от чего те походили на навязчивое невротическое кино, которое невозможно выключить.

Его друзья уже реже брали трубку, стараясь избегать разговоров о его переживаниях. Ведь им казалось, что вопрос давно должен быть исчерпан. Все и так понятно: она сука, следовательно, переживать тут не о чем. И когда Макс своими членострадательными откровениями задолбал уже всех своих друзей и подруг, он остался совсем один.

В тот момент Макс задался вопросом, захотел бы он иметь дело с таким как он сам человеком, и понял, что сгодился бы в качестве собеседника, чтобы попить пиво и поругать всех подлых в этом мире. Примерно в то самое время у него как раз появилось тематическое хобби. Каждый вечер после работы, на которой он задерживался, пытаясь отвлечь себя делом от хороших и поэтому мучительных воспоминаний, Макс напрямик направлялся в какой-нибудь дешевый бар. Он надирался там, затем ехал домой, чтобы проснуться с диким похмельем, а потом в течение мучительно длинного рабочего дня снова пытался писать код, за который ему и пла-

тили по расценкам программистов среднего пошиба.

Возможно, он успел бы слить свои почки в унитаз, наслаждаясь душевными страданиями, если бы в один из таких вечеров ему не встретился странный тип, который подсел к нему, грустящему, за барную стойку. Они напились вместе и Макс по привычному сценарию излил душу, найдя благодарные уши.

– Эх... Придумали бы таблетку, чтобы избавляла от любовных переживаний при расставании, – закончил свое повествование Макс и на минуту о чем-то задумался, устремив потухший взгляд в пустоту мимо собеседника, который до сих пор был преимущественно слушателем.

– Есть другое средство. Оно лучше, – через минуту вдруг нарушил молчание тот.

И незнакомец поведал ему интригующую историю. Он рассказал, что обратился в некую фирму, которая гарантирует стопроцентный результат по всем вопросам, касающихся любовных дел. Из его слов следовало, что он, воспользовавшись услугами этой фирмы, уже через месяц смог вернуть свою жену красавицу, которой теперь наплевать на деньги, а по первому щелчку она исполняет все его желания.

– Так уж и все желания? – с пьяным прищуром, отмахивая от глаз сигаретный дым, спросил Макс.

– Абсолютно все! Любые, – незнакомец деловито качнул головой, возвращаясь к кружке с пивом.

Макс покачал головой, списывая все услышанное на фан-

тазии псевдо мачо, рождающиеся из пивных пузырьков. Но тут, как бы в доказательство нескромного рассказа незнакомца, к ним подбежала очень красивая девушка. Глядя на рассказчика и не обращая никакого внимания на Макса, она запричитала: «Боренька, вот ты где, засранец! Я обыскалась тебя везде. На телефон ты не отвечаешь, а я себе места не нахожу! Пойдем домой, родной! Я сделаю нам ужин». Боренька лениво посмотрел на жену, которая нервно улыбалась, глядя ему в глаза. «С меня эротический массаж», – добавила девушка, игриво закусив губу.

Судя по ее поведению, эротический массаж и не только его эта особа готова была исполнить прямо в баре, лишь бы Боренька всегда оставался ЕЁ Боренькой. В глазах у нее стояла мольба. И Боренька, выдавив из себя ухмылку, пододвинул Максиму визитку той самой фирмы, сказав: «Позвони им, чувак. И ты больше никогда не будешь выглядеть, как опавший сморщенный член, которому не дали». Они удалились, а Макс еще неделю таскал у себя в бумажнике визитку, прежде чем все-таки решился позвонить по номеру, указанному на ней. С того звонка и началась вся эта история...

2. Пульт

– Что это? – Макс взял со стола черный предмет, с виду мало отличавшийся от обычного смартфона.

– Пульт, – с улыбкой, выражающей тихое торжество, ответил человек, восседающий на кожаном кресле за столом напротив.

– Какой еще пульт? – недоуменно спросил Макс.

– Пульт управления женщиной, – продолжая улыбаться, ответил человек. Десять минут назад он представился Артемом Лазаревичем. А надпись на табличке, висевшей на двери, в которую вошел Макс, указывала, что именно этот человек является генеральным директором некой «E.S.O.A.P. Company». Голова была по-хозяйски горделиво откинута на подголовник кресла, а пальцы рук сложены домиком. Весь его вид выказывал уверенность в том, что он имеет решения всех проблем для любого клиента. А легкий прищур как бы говорил, что если и не найдется решения, то он сможет вежливо послать клиента в жопу, да таким образом, что это тоже будет своего рода решением проблемы как для клиента, так и для фирмы. На вид ему было чуть больше сорока. Густая шевелюра равномерно украшала спортивную голову. И хотя нос у него имел боксерский вид, все зубы были настоящие, от чего улыбка казалась искренней.

Макс поднял брови и аккуратно положил на стол черный предмет так похожий на смартфон. Он вздохнул с досадой человека, которого держат за идиота и уже начал вставать, чтобы извиниться и уйти, но человек за столом остановил его.

– Прошу вас, сядьте, – улыбка исчезла с лица директора. Голос был тихий, но властный. Макс, неожиданно для себя повиновался. Человек за столом пристально посмотрел ему в глаза, от чего Макс сделалось неловко.

– Скажите, на какой результат вы рассчитывали, приняв решение обратиться к нам? – спросил директор.

– Я думал вы поможете мне заполучить мою девушку, – тихо и словно стыдясь своих слов, ответил Макс.

– Чтобы она от тебя ушла? – Директор перешел на «ты», но Макс как будто этого не заметил. Он отшатнулся от неожиданного вопроса, как будто только что пропустил апперкот от этого бывшего боксера.

– Что значит «заполучить девушку»? – Директор фирмы продолжал смотреть Максу прямо в глаза, от чего тот почувствовал себя виноватым неизвестно за что.

– Покорить девушку... ну... – Макс замялся. Он уже пожалел, что вообще позвонил по номеру на визитке. Директор приподнял бровь в ожидании ответа, который смог бы его удовлетворить.

– Что вы хотите от меня услышать? Если вы этим не занимаетесь, а я ошибся адресом, то просто так и скажите! – Наконец выпалил Макс.

– Чем мы не занимаемся? – Директор, казалось, решил добить Макса, который и так уже чувствовал себя, как на допросе.

– Знаете, я лучше пойду. – Макс решительно встал. Разворачиваясь, чтобы уйти, он споткнулся о стул и чуть не упал.

– Понимаешь, Максим, клиент часто совсем не знает, чего он хочет на самом деле.

Макс остановился, слегка повернув голову. Казалось, го-

лос человека гипнотизировал его так же, как взгляд удава завораживает кролика.

– Кто-то хочет большой джип, а на самом деле ему не хватает ощущения собственной значимости, – продолжал директор. – Или же он считает, что хочет семью, а на самом деле – это лишь проявление его лени стремиться к своей настоящей мечте. Ты даже представить себе не можешь, сколько олимпийских чемпионов появилось только благодаря тому, что когда-то они сдались на пути к своим истинным целям, заменяя их суррогатом успеха. Впрочем, для кого-то именно эти цели являются истинными, – человек за столом выдержал паузу, а затем добавил. – Мы можем тебе помочь. Если ты действительно этого желаешь...

Макс стоял в пол оборота и смотрел на собеседника. В воображении возникла Катя, приближающаяся к нему, чтобы поцеловать. Он ощутил мягкую упругость ее губ и вкус языка вкупе со свежим теплым дыханием.

– Я... действительно желаю... – пискнул Макс.

– Тогда первым делом придя домой, выдрочи из себя свои нелепые фантазии и давай начнем работать серьезно, – слова директора сдули с Макса эротическое наваждение.

– И как вы это собираетесь сделать? – недоверчиво, но с надеждой спросил он, чувствуя, как его воля полностью перешла в подчинение человеку, который явно был гораздо сильнее морально.

– Сначала, мы поможем тебе узнать, чего ты хочешь на са-

мом деле, – директор снова улыбнулся и протянул ему черный предмет так похожий на дешевый китайский смартфон.

– А он... правда, работает?

– Ну... у тебя есть только один способ это проверить, – искренняя улыбка человека за столом обезоруживала.

«Хотите успеха компании? Наймите директора без фальшивых зубов», – мелькнуло в голове у Макса, когда он принимал пульт из рук Артемия Лазаревича.

3. Правила игры

Он сидел в сквере, напротив Катиного дома. Сама же Катя должна была вернуться с репетиции часам к пяти вечера. Макс не видел ее уже два месяца, старательно избегая тех мест, где был хоть какой-то шанс случайно с ней встретиться. А встреч он избегал, так как боялся той нестерпимой душевной боли, которую тяжело сравнить с чем-либо еще. Как-то раз, еще в студенческие годы его сосед по комнате, страдая от геморроя, описал свои ощущения так: «Представь, что у тебя полная задница зубов, которые сильно болят».

Сейчас Максусу совсем не хотелось лишний раз беспокоить свой душевный геморрой. Но любопытство, как часто в жизни бывает, оказалось сильнее. Тем более, что, по словам самого директора фирмы, аббревиатура которой расшифровывалась, как Electronic Solution Of All Problems, финансовые вопросы фирма улаживает только по достижении результата, а документов Макс вообще никаких не подписывал. Поэтому он и сидел сейчас здесь в сквере около Катиного дома,

до которого провожал ее сотню раз, когда довольствовался лишь поцелуями в щечку во время прощания.

Макс вытащил из сумки тот самый черный предмет так похожий на смартфон и нажал на кнопку включения. Тогда он еще и представить себе не мог, какая цепочка событий последует за этим действием, которое изменит всю его жизнь. Прибор издал веселый звук, и через секунду на экране высветилась виртуальная клавиатура с выскочившим уведомлением зелеными буквами, стилизованными под старинную «довиндовсовскую» эпоху. «Введите код доступа» – гласило уведомление. Еще через несколько секунд на его телефон пришло смс с кодом, который он старательно ввел в поле. Архаичный зеленый экран плавно сменился на цветную фотографию Кати. Именно так она выглядела два месяца назад: волнистые русые волосы, выразительные глаза изумрудного цвета, гладкая кожа оттенка молочного какао и ямочки, даже если она лишь едва улыбалась. У Макса вновь сжался электрический комок в животе. Сработает ли прибор или все это профанация – знать этого он еще мог. Из подвалов памяти слышался ироничный тон Кати, вернувший ему ощущения унижения, абсолютного бессилия и собственной ничемности.

* * *

Сейчас, глядя на пульт, он вспоминал полученные инструкции. После того, как он получил его в руки, Макса по-

знакомили с техником по имени Том. Это был нагловатый, уверенный в себе и поэтому добрый парень. Полная противоположность Макс. В школьные годы и во время учебы в университете он не любил таких как Том. Но в тайне всегда мечтал оказаться на их месте. Тон у Тома хоть и был немного высокомерный с нотками снисходительности, но выражал дружелюбие. Таким тоном знакомые зубные врачи назначают очереди запустившим свой рот пациентам. Зная, что Макс не равнодушный к компьютерным играм программист, Том объяснил, как работать с пультом тем языком, который был понятен заядлому геймеру.

Все было очень просто. Пульт действовал на расстоянии до ста метров. Чтобы полностью подчинить человека себе, надо было сыграть с ним в игру. Только об игре этой знал лишь тот участник, у которого, собственно, и был пульт. Требовалось пройти три уровня, каждый из которых все больше подчинял «жертву» воле «хозяина».

Существовал еще, правда, нулевой уровень, который заключался в налаживании контакта с акцептором. Он был самым простым, и это ради него Макс сейчас дожидался Катю. Первый же уровень открывался сразу за нулевым и заключался в управлении человеком при помощи меню словесных команд. Команды вводились произвольно в текстовое поле, а затем надо было нажать кнопку со стрелкой, точь-в-точь, как при отправке смс. Однако, как объяснил Том, не любую команду можно было использовать сразу. Требовалась «го-

товность» объекта к принимаемой команде. То есть, команда должна была находиться в зеленом секторе для того, чтобы объект воспринимал её, как собственную мысль или желание. Например, Макс не мог сразу «приказать» Кате поцеловать его при первой встрече с ним, потому что, по словам Тома, ее реальным желанием скорее всего будет закатить глаза и сказать: «О, пиздец! Это опять ты. Как же ты меня задрал! А я-то уже надеялась, что ты умер от инфаркта, наявивая на мою страницу ВКонтакте». И команда «поцелуй меня» попала бы в «красный сектор» чужеродных мыслей и желаний, которые вызывают только неприязнь и агрессию. Макс понимал, что Катя никогда бы не сказала подобных грубостей вслух, но смысл слов Тома он усвоил.

Был еще и желтый сектор, в котором команды могли исполниться, а могли и нет. То есть, если ситуация никак не стыкуется с посланной в голову акцептора мыслью и может быть отвергнута, как случайная и нелепая. Как доходчиво, на примере опять-таки, объяснил Том: «Если вы прогуливаетесь в парке и читаете друг другу стихи о любви, то ты можешь, конечно, послать ей команду показать тебе сиськи. Но она может тебе их и не показать, отметая эту мысль, как случайную. Такие случайные мысли многим приходили когда-либо в голову. Сколько раз в школе ты боролся с желанием показать жопу учителю тригонометрии, отвечая у доски? С другой стороны стихи, которые вы читаете – они о любви, а значит, обстановочка располагает. Ну, а так как женщина су-

щество непредсказуемое, то в желтом секторе под действием такой команды она может решиться вообще на что-то третье», – Том поиграл бровями, напоминая кота из известного мультфильма.

– Самый надежный сектор – зеленый. Там команды исполняются с вероятностью и с точностью, близкой к ста процентам. На языке снайперов это зона абсолютного поражения, чувак, – и Том горделиво улыбнулся. Было видно, что ему очень нравится его работа.

Баллы набирались тоже просто: каждый раз, когда Максудавалось бы при помощи словесных команд заставить Катю что-то сделать, добавлялись очки. Однако, каждая неудачная попытка их минусовала. Когда синяя шкала достигала отметки в сто очков, открывался следующий – второй уровень, который был куда интереснее. Меню этого уровня позволяло управлять уже физиологией человека. Такими функциями, как сон, осязание, аппетит и прочее. При достижении каждого нового уровня, оставалась возможность пользоваться функциями предыдущих, что усиливало «арсенал» команд.

Ну и, наконец, допуск к третьему уровню открывался только в том случае, если бы Максудалось набрать необходимое количество очков, пользуясь лишь возможностями предыдущих двух меню: словесного и физиологического. В этом случае открывались возможности по управлению эмоциями или чувствами человека, такими, как любовь, нена-

висть, восторг или презрение.

– Должен тебя предупредить, что активация функции «любовь» носит необратимый характер, – сказал Том. – Это единственная необратимая функция на этом пульте. Ну... почти необратимая, – он на секунду замялся, – так как если ты когда-нибудь захочешь, чтобы она тебя разлюбила то... Это оставит в ней некоторый эмоциональный дефект... Нашим инженерам пока неизвестно, почему так происходит. Но я должен тебя предупредить, что...

– Зачем же мне отменять эту функцию? – недоуменно спросил Макс.

– Забей, проехали, – отмахнулся Том.

После инструктажа Макс, как истинный компьютерный геймер, мысленно потер руки в предвкушении интересной игры. Том, однако, интерпретировал этот жест более правильно.

– Слушай, мужик. Если не хочешь все испоганить, то перед тем, как начать, выбей хорошенько все свои уже вставшие в очередь фантазии из той прямой извилины, которая сейчас занимает весь твой RAM.

Но Макс лишь глупо улыбнулся в ответ. Тогда он еще не подозревал, что играть в эту игру будет не так-то просто.

4. Нулевой уровень – активация

После шести вечера Макс уже перестал пристально вглядываться в улицу, разглядывая девушек, семенящих по разбитому асфальту. Он упорно гнал от себя мысль о том, что

Катя вообще могла остаться ночевать у своего нового парня. Пытаясь сосредоточиться на том, зачем он сюда пришел, он вспоминал недавние слова Тома.

– Эта штука является контроллером оператора передней поясной коры, а также префронтальной коры головного мозга. Простыми словами – это пульт управления человеком. Фиг его знает, как это работает, но что-то связано с регулировкой окситоцина, который влияет на асертивность. Не заморачивайся, короче. Ты выбираешь объект, я подготавливаю его и – вуаля!

– И как же ты подготавливаешь объект? – спросил Макс. И через секунду получил ответ, который заставил его поморщиться и окончательно убедиться, что он ввязывается во что-то уж очень незаконное. И сейчас в сквере Макс у вдруг пришла в голову мысль, что все это мог быть чей-то жестокий розыгрыш. В голове у него вспыхнуло нечто похожее на инсайт, который периодически испытывает каждый легковверный человек. Что если Том, который должен был «подготовить объект», введя аккуратно усыпленной Кате микрочип под кожу на шее, сейчас просто выйдет из-за угла с микрофоном и попросит его посмотреть куда-то в кусты, где затаился оператор со скрытой камерой? Ну, конечно! Как он мог поверить в такую чушь?! Какой микрочип? Какой, на хрен, пульт?! Конечно, он не стал вдаваться в подробности, как работает эта штука. В его положении любое чудачество, дарующее надежду, принималось на ура. Отчаянные люди ходят

к колдунам, к гадалкам, астрологам и ворожеям. Как человеку, тяготеющему к точным наукам, вариант с пультом показался ему чем-то более реальным, и он Макс переплюнул по идиотизму их всех, поверив в какой-то там пульт управления человеком!

«Скорее всего, – подумал Макс, – Том подготовил мою девушку совсем по-другому, введя ей не микрочип под кожу, а кое-что макро и поглубже. А потом, откинувшись на подушках и раскурив одну на двоих сигарету с чем-нибудь веселым, они полночи ржали надо мной».

Он уже начал озираться по сторонам со злобной улыбкой, ища глазами камеру. Но тут его взгляд упал на девушку, шедшую по тротуару вдоль подъездов дома. Он не успел разглядеть ее лица. Но даже исчезающий под его углом зрения профиль заставил проснуться в его животе электрического ската, поселившегося там около года назад. У этой девушки была другая прическа, кожаную курточку сменило незнакомое Максу весеннее полупальто, а на плече висела никак не характерная для Каниного стиля сумка вместо рюкзака за спиной. Но глаза влюбленного, даже так часто принимающего похожих людей за свой предмет вожеления, никогда не ошибутся в утвердительном вердикте, если перед ними действительно та самая. По подъездной дороге шла Катя.

В этот самый момент, так называемый пульт, который он держал в руках, завибрировал, подобно телефону на беззвучном режиме. А экран из оранжевого сделался синим. На сен-

сорном дисплее замигала кнопка «активировать», означающая, что объект находится в радиусе действия прибора. Где-то в глубине души Макс осознавал, что его действия со стороны можно расценить только, как сумасшествие. Но в его положении он был готов на любую авантюру, да и медлить было нельзя, потому что девушка уже подходила к своему подъезду. Макс нажал на кнопку.

Секунду-другую ничего не происходило. Затем девушка оступилась и едва не упала, в последний момент удержавшись за капот припаркованной на тротуаре чьей-то «семерки». Ее руки метнулись к ушам и закрыли их, а сама она едва согнулась. Поза напоминала человека, у которого вот-вот лопнет голова от сильного шума. Только вот шума никакого не было.

Макс застыл на скамейке. Сейчас он хорошо видел Катю. И она могла его увидеть, если бы вдруг обернулась. Но Катя не обернулась. Их разделяли какие-то тридцать метров. Мало-помалу она пришла в себя, как человек после панической атаки, а затем вошла в подъезд и скрылась из виду.

– Ну ни хуя ж себе! – выругался Макс, вызвав на себя огонь суровых взглядов двух мамаш, выгуливающих своих чад в колясках.

* * *

Этим же вечером Макс и Том снова встретились, на этот раз в баре.

– Послушай, Том... Но ведь все это как-то... Аморально... – Макс отпил виски и покосился на собеседника с надеждой, что тот прогонит призрак его совести.

– Я расскажу тебе, что такое «аморально», мужик. – Том поставил свой стаканчик на барную стойку и целиком повернулся к Макс, смотря тому прямо в глаза. – Аморально всю жизнь быть нищим, жрать одни пельмени и стоять на автобусной остановке в дождь и в слякоть, будучи забрызганным грязью от проезжающих машин, но при этом, мечтая когда-нибудь так же кого-то забрызгать грязью на своем нафантазированном Bentley. Аморально гонять лысого втайне от уродины жены, которая когда-то согласилась на неудачника, так как другим она не нужна. Аморально пускать слюни, смотря на шикарную женщину, зная, что с ней никогда ничего не светит и ненавидеть ее за то, что вместо нее приходится потреблять нечто совсем небабельное. Аморально трахать тех, кто никогда не присутствует в вечерних фантазиях, когда дергаешь шкурку перед сном. Вот это – аморально. А тот сервис, который предоставляем мы – это всего лишь способ исправить хотя бы часть всей этой аморальности.

* * *

«Теперь эта сука будет полностью моей!» – Подумал Макс, лежа в своей постели. Вся нежность, которую он испытывал при воспоминаниях о поцелуях в щеку, куда-то исчезла, уступив место какому-то странному предвкушению план-

татора, который вот-вот собирался приобрести на рынке молоденькую рабыню. С этими мыслями он провалился в сон.

5. Итак, начнем. Уровень первый

На следующий день он ждал Катю прямо у здания консерватории, предварительно узнав через знакомых, что репетиция у нее заканчивается в три часа дня.

Часы на его телефоне показывали уже пятнадцать десять, когда на парадном входе с надписью «большой зал» появилась группа студентов. Выдался теплый майский день, и Катя спускалась по ступенькам в легком темно-синем платье на широких лямках с открытыми плечами и без пояса, подол которого заканчивался чуть выше колен. Ее сандалии светло-коричневого, почти телесного цвета с высокой греческой шнуровкой подчеркивали линии идеально стройных ног. На ступеньках она попрощалась с молодым парнем, который поцеловал ее руку. Макс знал его. Это был тенор, с которым она пела. Безобидный гей. Но сейчас Макса окатило ревностью, заставляющей его ненавидеть даже стоящий неподалеку памятник Чайковскому, который при жизни тоже не прочь был поиграть задницей, оставаясь равнодушным ко всему женскому. Макс почему-то считал, что искусство вообще редко обходится без сексуальных отклонений.

После того, как Катя попрощалась с напарником, ее взгляд, как и рассчитывал Макс, упал на него, сидящего слева от ступенек на полукруглом возвышении из красного гранита. Немного постояв в нерешительности, Катя подошла к

нему сама, не спеша и смотря себе под ноги.

– Привет, Макс, – сказала она, качнув вперед-назад пре-
красной смуглой коленкой. Интонации в ее голосе говори-
ли: «Ты опять решил преследовать меня, рукоблуд?» Но ее
взгляд, а также то, как она убрала копну волос от лица, вы-
казывали еще и удивление с заинтересованностью.

– Привет, – Макс старался изо всех сил, чтобы не выдать
дрожь в голосе, которая происходила скорее от тряски всего
тела. Он улыбнулся.

– Какими судьбами? – сейчас она смотрела на него, как
на непристойного нарушителя понятно очерченных для него
границ, которые он, Макс, не имел право пересекать, как и
все отвергнутые в этом мире.

– Заказ есть от руководства «консервой».

– Правда? И что же это за заказ?

Учитывая, что два месяца назад Макс не давал Кате про-
хода, нотки в ее голосе были объяснимы. С такой интонаци-
ей как-то раз в детстве мама Макса спросила его, почему сы-
на не спит, подозревая, что тот научился играть своей штуч-
кой. Запах Катиных духов только усилил внутреннюю тряс-
ку. Ему необходимо было придумать достаточно серьезный
повод, чтобы снова начать общаться с ней. Только так он мог
начать использовать пульт. Единственное, чем можно было
подкупить Катю – это разговоры о музыке. И Макс, сделав
над собой невероятное усилие, поведал ей выдуманную ис-
торию о том, что он по заказу консерватории создает интер-

активный портал о музыке для детей.

По части классической музыки он был полный профан. Поддерживая дальнейший разговор лишь междометиями по типу: «Ну, вот, в принципе, в общих чертах, почитываю википедию», – он готовился нажать в кармане на кнопку, чтобы отправить заранее набранную им команду: «Предложи свою помощь». Макс молился только о том, чтобы в этой ситуации, данная команда оказалась в зеленом секторе, так как дисплея он видеть не мог. Как бы там ни было, но уже через пятнадцать минут они шли по направлению к уютной кафешке, которая располагалась напротив консерватории.

* * *

На тот вечер у Макса были огромные планы... Которые соперничали с сильными позывами в туалет.

6. Рыбка в аквариуме

Среди разложенных на столе листов плотной блокнотной бумаги стояли два открытых ноутбука. Один принадлежал Максусу. Другой, тот, что поменьше, был Катин. Посетители почти отсутствовали. Редко кто сюда заходил в пятницу после обеда. Прошло уже три дня с того момента, как они встретились у здания консерватории, и тень подозрительности во взглядах Кати, как отметил для себя Макс, окончательно улетучилась.

Сейчас она с оживленным интересом рассказывала о расцвете гармонии в период барокко, характерных интервалах в

музыке Генделя, хорошо темперированном клавире Баха и о настоящем музыкальном художнике Вивальди, который при помощи набора инструментов так точно изобразил все четыре времени года с их оттенками. Макс делал заинтересованный вид, но боковым зрением, натренированным годами езды в общественном транспорте, он с мечтательной тоской следил за движениями бедер, едва прикрытых короткой юбкой, меж которых был шанс хоть мельком увидеть трусики. Глаза у Кати горели, и несмотря на всю ее внешнюю сексуальную одаренность, она производила впечатление той, которой вряд ли на ум может прийти что-то более пошлое, чем постоять голой под душем вместе с парнем, умиленно заглядывая ему в глаза, как в старом кино.

Как-то давно, классе в пятом, сосед по парте поведал Макс о том, что подавляющее большинство женщин в мире когда-либо держали во рту мужской член. Поведал он это посреди урока литературы и абсолютно неожиданно. Совсем не понятно, к чему или зачем. И забыл об этом. А Макс не забыл. И с того момента он теперь пристально вглядывался в лицо каждой женщины, которую видел. Будь-то строгая учительница по пению, или добрая продавщица билетов в детском театре, некрашенная машинистка трамвая, или врачиха в поликлинике с красной помадой на губах, бабушка, ведущая под руку своего мужа, или завуч в школе, периодически отчитывающая его, Макса, за неуспеваемость – все они невольно проскакивали через фильтр того образа, который

однажды внезапно обрушил на его богатое воображение однокорешник.

Но сейчас, сидя напротив Макса, Катя казалась такой непорочной, какой могла быть только весталка. Она говорила о сольфеджио, дуэте, трио, квартете и квинтете. Но в ее глазах отсутствовал даже намек на мысль о минете. Макс не мог этого не видеть, поэтому все команды, с которыми он экспериментировал, сводились лишь к: «улыбнись, поправь прическу, закажи себе еще чаю, почешу щеку» и тому подобному. Пульт работал. В этом у него не было уже никаких сомнений. Однако, как только Макс пробовал вводить в поле что-то типа «поцелуй меня», как поле для ввода загоралось красным. Отчаявшись, он даже пару раз рискнул отправить эти команды, минусуя с трудом заработанные очки. В такие моменты он чувствовал себя котом, который облизываясь, тщетно пытается поймать рыбку, царапая шар аквариума.

Однажды, разглядывая островки гладкой кожи сквозь кружева Катиной кофты, Максу пришла в голову отчаянная идея. Отлучившись в туалет, он пробрался на задний дворик кафешки и умудрился вывести из строя мотор системы кондиционирования, закоротив катушки реле. Делал он это, постоянно озираясь по сторонам и проклиная себя за то, что у него хватает смелости на такой идиотский поступок, вместо того, чтобы просто сорвать с нее эту чертову кофту и прижать к себе ее круглые плечи. Благо, кроме бармена никого из персонала в это время дня в кафе не было, поэтому

его диверсионный подвиг остался тайной для всех. И когда через десять минут воздух в кафе достаточно сильно прогрелся под лучами майского солнца, Макс ввел в поле текст: «Сними кофту». На ввод этой команды дисплей отреагировал желтым цветом. Отослав команду, Макс уставился на Катю с такой надеждой в глазах, с какой он в детстве заглядывал в глаза своей бабушки каждый раз, когда они проходили мимо лотка с мороженым. Катя задумалась на секунду, а потом встала, чтобы подойти к стойке бара и попросила для себя холодного чаю. Том предупреждал о непредсказуемости действий акцептора в желтом секторе. И Катя просто выполнила другое логичное действие в ситуации, когда было жарко.

В другой раз в желтом секторе оказалась команда «прикоснись ко мне». Макс был вне себя от счастья и едва не кончил, сидя прямо на стуле в полупустом кафе в тот момент, когда Катя обхватила его запястье обеими руками, эмоционально рассказывая о том, как Бетховен постоянно редактировал свои произведения в сторону упрощения. В тот момент он позволил своему воображению забежать далеко вперед, не скупясь на нескромные образы, которое оно рисовало для его изголодавшегося вожделения. Но два последующих раза, как бы он не подстраивал ситуации, ничего не вышло. «Шкала власти» показывала жалкие пять процентов, а Макс горел от похоти уже на все сто.

– Блядь, да сними ты уже с себя эту кофту, тупая ты аф-

ца! – Он рывком притянул к себе офигевшую Катю и поцеловал в засос. Рука его, прошмыгнув снизу под топ, нагло ухватилась за упругую, но нежную грудь...

* * *

– Ты отключаешься и не слушаешь меня, мудвин! – Катя со смехом кинула карандаш в залипшего в свою фантазию Макса. Еще через минуту наваждение окончательно прошло, и Макс вернулся в кислую реальность.

Через четыре дня активной работы над выдуманнным проектом, он окончательно убедился, что у Кати появилась новая подружка в виде него самого. Пытаясь как-то мотивировать себя, он мысленно иронизировал по поводу того, что и подружки иногда шалят. Но, видимо, тем из них, которые обсуждают творчество Ремарка и позднего Гумилева некогда познавать всех радостей дружбы организмами.

Как-то в очередной раз, выслушивая возвышенный пассаж Кати, ему пришла мысль о том, что, перечитывая гигабайты различной литературы, женщины испытывают порой лишь иллюзию какого-то развития. Но зачастую, на самом деле, они лишь забивают голову всякой херней, которая не столько бесполезна для жизни, сколько порой даже вредна.

Макс по-прежнему не мог себе позволить даже просто взять Катю за руку. Так что на вечера их творческих встреч он уже ничего грандиозного не планировал. Совсем уже, было, отчаявшись, он решил позвонить Тому с предложением

о двойной оплате, лишь бы тот открыл ему доступ к следующему уровню возможностей на пульте.

– Прости, чувак. Не в моей это компетенции. Как будут успехи, позвони. Выпьем чего-нибудь. – Ответил Том.

Но все успехи Макса пока что сводились к «передергиванию затвора» перед сном под бурные сцены, которое рисовало распаленное воображение. Реальность же заключалась в том, что он продолжал платить в кафе за двоих, как это положено настоящему мужчине, но не получал за это ничего, как настоящий лох. Перед ним сидела, как он полагал, самая соблазнительная и нежная девушка на всей земле, а он никак не мог завоевать ее даже сейчас, когда в его руках оказался, наверное, самый могущественный прибор в мире. «Какой же я, все-таки, задрот», – думал Макс.

Тем не менее, мало-помалу, в течение следующей недели он заработал достаточно очков на простых командах, чтобы «шкала власти» достигла заветных ста баллов, где открывался следующий уровень возможностей – управление физиологией человека.

7. Уровень второй

Уже первые попавшиеся ему на глаза функции обещали много интересного: «хочу сладкого», «хочу соленого». За вечер он обнаружил в новом меню такой богатый набор физиологических функций, какой мог превратить человека в послушного наркомана или зомби. Новые возможности посыпались на него, как из рога изобилия посреди очередной

вечерней посиделки в кафе с Катей. Макс, испытывая изнеможение неуголенной похотью, собирался опробовать их немедленно, но тут на телефон он получил сообщение от Тома: «Слушай, чувак. Я понимаю, что у тебя сейчас стояк, как у носорога, но лучше поезжай домой и сначала изучи хорошенько меню. P.S. Поздравляю с прохождением уровня. Я получил уведомление».

Перед сном, предвкушая завтрашний день, Макс собрался было в душ, чтобы под струями теплой воды порадовать своего ручного циклопа, как он любил иногда выражаться, оставшись с ним один на один. Но позвонила Катя и сообщила, что на все выходные уезжает с родителями на дачу. Она поспешила добавить, что занятия они смогут продолжить уже в понедельник, так что: «Чава-какава, не тоскуй!». Однако, теперь желание «прогнать рукой тоску» мгновенно улетучилось, несмотря на то, что тоски-то как раз поприбавилось.

Все выходные Макс просидел, как на иголках, жалея о том, что разработчики пульта, кто бы они ни были, не удосужились включить возможность прослушки и отслеживания местоположения «жертвы». Макс не был уверен в том, действительно ли у Кати кто-то был, или же это она таким образом отшила его тогда, около трех месяцев назад. Но спросить об этом для него было равносильно тому, чтобы снова вернуть себя в состояние униженного побитого пса. Всякий раз, когда у него возникало желание позвонить Кате, он страш-

ным усилием воли подавлял в себе этот порыв, убеждая себя, что даже если она и соврала ему, чтобы провести выходные со своим парнем, то скоро все изменится, а его звонки сейчас ни к чему хорошему не приведут.

Когда же, наконец, наступил понедельник, Макс влетел в кафе на полчаса раньше назначенного времени, чтобы успеть занять ставший уже их с Катей столик у окна. Катя сильно опоздала, но, как ни в чем не бывало, безо всяких извинений уселась за столик. Да к тому же еще и не одна, а со своей подружкой. «Даже не извинилась за опоздание... И привела с собой какую-то манду. Сучка! – подумал Макс. – Тебе на меня совсем насрать! Но ничего. Скоро я сделаю так, что ты даже во сне, случайно выпустив мой член из рук, будешь судорожно искать его, ловя руками воздух!!!» В такие моменты любовь Макса замещалась слепой яростью и жаждой мести. Причем мстить хотелось не только Кате, а вообще всем девушкам в мире.

– Будь вежливым, мудвин. Это Яна, – сказала Катя, уловив недовольные взгляды Макса. – Она интересуется живописью и музыкой. Муж уехал в командировку, а ей скучно сидеть дома одной.

– Очень приятно, Максим, – он подал руку, и подруга Кати с плохо сыгранной гротескностью, которая выдала в ней первый признак недалекости, протянула «вялую лапку» тыльной стороной ему навстречу. Он слегка сжал пальцы Яны в приветствии и перевел взгляд на Катю, которая пока-

чала в воздухе флэшкой на цепочке.

– Убила на это все выходные. Но нисколько не жалею, – она небрежно бросила на стол флешку и полезла в рюкзачок за ноутбуком. Макса успокоило данное известие. Судя по всему, проект стал занимать ее все больше, и он лишний раз убедился, что музыка интересует Катю больше, чем секс в выходные на даче с кем-либо. Ну, или, по крайней мере, гораздо больше, чем секс с ним.

Заказав чай себе и подруге, Катя принялась вводить Яну в курс того, чем они с Максом занимаются. Та одобрительно кивала головой в ответ, моргая большими и ни во что не вдупляющими глазами. Через пять минут Катиной трескотни, Макс, думая о новых возможностях пульта, осознал, что мог бы заставить ее продриснуться прямо сейчас на стуле, на котором она сидела, подогнув одну из своих сексуальных ног в коротких шортах. Когда она рисовала на бумаге эскиз того, как должно было выглядеть меню с композиторами, он заглянул под стол, разглядывая на своем пульте куда более интересное меню. Где-то в глубине души его так и подмывало отомстить ей за все свои переживания. Но вместо этого он просто выбрал кнопку, на которой было написано «жажда», решив сначала применить что-нибудь безобидное и нейтральное. Поле ввода светилось зеленым цветом, подсказывая пользователю пульта, что «клиент» находится в нужном эмоциональном состоянии. Рядом с кнопкой появилась шкала от одного до десяти с бегунком, видимо регулирующим

силу этого желания. Макс передвинул бегунок к отметке «5» и нажал кнопку ввода. Но ничего не произошло. Подождав минуту, Макс передвинул бегунок на отметку «7», и уже через несколько секунд ему показалось, что Катя облизывает губы. Он уже хотел было перевести бегунок на максимальное значение, но в голову ему пришло другое решение. Войдя в первое меню функций с текстовым вводом, он ввел и отправил сообщение «попить воды», таким образом, подсказав решение своей жертве, как удовлетворить возникшее желание. Через секунду Катя покинула свое место и, подойдя к барной стойке, попросила графинчик воды и три стакана. Макс с удовлетворением отметил для себя, что заказала она именно воду, как он и указал ей в своей команде. В кармане лежали приготовленные на всякий случай презервативы. И не парочка, а целая лента. Он даже представить себе не мог насколько непредсказуемым окажется продолжение вечера.

Пока Катя с оживлением продолжала посвящать его и свою подругу в то, что ему уже так осточертело, Макс собирался ввести в действие ту функцию, ради которой он сегодня сюда пришел – похоть. В меню она была обозначена, как «либидо». Все выходные он гадал, что же должно произойти с Катей после того, как он нажмет на эту кнопку. И сейчас, находясь в метре от нее, все его тело дрожало, а лоб покрыла испарина. С того момента, как к нему в руки попал пульт, Макс жил надеждой. Разрушение иллюзий вновь погрузило бы его в пучину «депрессняка». В голову лез упрямый вопрос:

насколько он отвратителен для Кати, что может не произойти вообще ничего? Как бы там ни было, имелся только один способ выяснить это. И он решил, что выяснит это прямо здесь и прямо сейчас.

Выбрав, наконец, зеленый прямоугольник с надписью «либидо», Макс не решался переводить бегунок на максимальный уровень, выставив бегунок лишь на уровень «3» из десяти возможных. В случае неудачи это оставляло бы место утешению тем, что просто был выставлен низкий уровень того самого либидо. Он тщательно всматривался в поведение Кати, пытаясь разглядеть хоть малейшие признаки зарождения сексуального желания. Но похоти пока что прибавилось только в нем самом. Когда же он все-таки решился перевести бегунок на уровень «4», случилось то, чего Макс ну никак не ожидал. Не ожидала этого, по-видимому, и подруга Кати, которую та вдруг принялась поглаживать по оголенному плечу.

– Каким кремом ты пользуешься, Янчик?

Лицо Макса приняло выражение прихожанина, который вдруг вместо ожидаемых церковных фресок на потолочном своде увидел изображение волосатой задницы, принадлежавшей ехидно улыбающемуся папе римскому. Своим длинным и розовым языком Катя вылизывала остатки мороженого со дна стеклянного стаканчика, продолжая, как бы ненароком, поглаживать ничего не имеющую против этого Яну. И Макс, слушая очередной пассаж о том, что наиболь-

шую творческую плодовитость Френц Лист проявлял между четырьмя и пятью часами утра, мечтал превратиться в тупую бисексуальную пизду.

* * *

– Опа! Какие люди, да в каком коллективе! – знакомый голос вывел Макса из оцепенения. Слева от него, по-хозяйски повернув стул спинкой вперед, уселся его коллега по кличке Штырь. И только сейчас абсолютно растерянный Макс понял, почему у него было такое прозвище.

– Алексей, – представился тот девушкам, уже обращая внимания на Максима лишь косвенно. – А наш герой, оказывается, не промах. Кто бы мог подумать, ядрен батон!

– Успокойся, Леха. Мы здесь по делу. Это Катя. А это ее подруга Яна. – Нотки в голосе Макса давали понять, что присутствие Лехи более чем нежелательно. Но тот этого как будто вовсе не замечал. Штырь жестом остановил проходившего мимо официанта и наскоро заказал на стол вина с холодными закусками.

– Девчонки, Максим у нас один из лучших программистов. Вы его нагло используете, как я погляжу, но совсем не кормите. Сто пудово, меня ему послали небеса, дабы восстановить справедливость! – Штырь по-дружески потрепал Макса за щеку и Катя, в отличие от насупившейся Яны, залилась смехом.

– Вообще-то это он меня использует, а не я его, – кокет-

ливо парировала она. Слово «использует» для Макса прозвучало не однозначно, заставив его похолодеть и вспомнить о пульте, на котором до сих пор была активирована функция «либидо». Видя, как по-блядски посматривает на нового собеседника Катя, Макс судорожно деактивировал «либидо», а затем тщетно пытался выставить отрицательные значения для этой функции, надеясь сделать Катю фригидной хотя бы на час. Но такой функции в меню не оказалось. И Макс оставалось лишь бессильно наблюдать, как все его планы на этот вечер смываются, как говно в привокзальном туалете.

– Эх, хотелось бы мне вам верить, Катерина, но не могу. Ну не может этот человек использовать кого-либо! Отсутствует у него такая способность.

– Что же, будь по-вашему, – не возражала Катя, – но кормить все равно должна не я его, а он меня. – Она хихикнула и кокетливо посмотрела на Макса. Впервые в жизни.

– Это исключено! – наигранно возразил Штырь, – сегодня я избавлю друга от этого гендерного бремени. Знаете, сколько раз различные девушки по-дружески просили Макса помочь им с переездом или с ремонтом? Но ни одну из них он не попросил в ответ также по-дружески приготовить себе пожарать или сделать уборку у себя дома. Настоящий гусар! – Катя вновь залилась смехом, а Макс, побагровев, выдавил из себя подобие улыбки. Образ разбитого ноутбука о башку Штыря навязчиво занял все частоты эфира воспринимаемой им реальности.

– Вообще-то, настоящий мужчина всегда сам накормит женщину, – авторитетно и деловито сказала вдруг Яна, которая до сих пор лишь моргала, по-прежнему ни во что не въезжая. – И ему никогда в голову не придет попросить ее приготовить себе, как вы выразились, «пожрать». Тем более, если он ей просто друг.

– Эмм... Хмм... У вас... необычные глаза и... убивающий наповал голос, – сказал Штырь, повернувшись к ней. – Скажите мне, Яна, а почему секса хотят оба, а платить за это должен один?

– Вообще-то я замужем! – высокомерным и обиженным тоном заявила Яна, добивая и без того уже обескураженного Леху, которого тяжело было ввести в состояние растерянности. Придя в себя и быстро оценив внешние и интеллектуальные данные Яны, Штырь нагнулся к ней и что-то шепнул на ухо. Та просияла и улыбнулась, смущенно закрыв рот ладонью. А после того, как принесли вино с закусками, он уже полностью переключил свое внимание на Яну, которая даже смеясь пыталась держать утиные губы. Периодически Яна компенсировала свой скудный словарный запас нетерпением к пошлости и мату. Когда она с серьезным видом просила при ней не выражаться, то походила на кассиршу в супермаркете, лицо которой как бы само за себя говорило: «Вообще-то я тут по ошибке. И общаюсь с вами вынужденно. Как только прославлюсь и разбогатею, то сразу же уеду жить на Манхеттен и никогда больше не опущусь до того, чтобы об-

щаться с такими, как все вы». Но каждая новая сальная шуточка Штыря заставляла ее покатываться от смеха. Примерно через полчаса веселья, вино попросилось наружу и девочки пошли в туалет, оставив Макса и Леху вдвоем.

– Слушай, мэн, ты заплати, а я тебе на работе потом отдам. Лады? – Штырь сморщил гримасу, с какой у Макса все время его обучения в школе и в университете просили списывать всякие мажоры.

– Ловэшечки на себе нет? – Удивился Макс.

– Да нет. Просто платить за бабу надо только тогда, когда уже трахнул ее. Иначе она будет давать всем, но только не тебе. Примета такая.

– Слушай, Леха. У нее муж, все-таки.

– Муж?! Где же он? Он прямо, как Адам. Того тоже не было рядом с женой в самый ответственный момент. И кто виноват в грехопадении? Змей что ли?

– Не знаю, что там с этим змеем, я не верующий. Но сейчас виноваты вы оба!

– Я?! Я просто хочу секса. Это моя сущность. Она?! Она просто блядь. И это ее сущность. Нельзя оставлять горячее и кислород без присмотра. Виноват всегда будет тот, кто недосмотрел и допустил ненужное возгорание. Если уже берешься быть ответственным за управление этим процессом, то изволь быть всегда начеку.

– Если ты сейчас уйдешь, то ничего не произойдет, и она не изменит ему!

– Вы ботаники из-за своего навороченного мозга не замечаете главного в жизни. Мой примитивный мозг гораздо функциональнее. Я вижу в бабе шлюху, а не Дульсинею. Не обессудь, Максим. Но мой уход ничего не изменит. Кстати, я догадался, что эта та самая Катя, из-за которой твоя клавиатура на рабочем компе уже вся скользкая.

– Не смей так говорить о ней! – зашипел Макс.

– О клавиатуре что ли? – Леха заржал.

– Ты прекрасно понял, о чем я!

– А что я сказал? Я не о Кате. Я о тебе. Чувак, ежедневно в мире ебательного возраста достигают пятьсот тысяч баб. Даже если только половина из них действительно ебательны, то конкуренция среди тёлочек за член очень высокая. Не знаю, чего такого фантастического она тебе показывает в постели, но ты с ней только зря время теряешь. Задумайся над этим.

– Для тебя, кроме секса, что-нибудь существует в жизни? Человека можно еще и любить! Просто любить безо всякой пошлости, испытывая к нему нежные чувства.

– Так, понятно... Ты ее все еще не протаранил, верно? Но очень хочешь. Просто обычно так говорят те, у кого в жизни секса нет. И они заменяют его поэзией. Пойми, Макс, человек боготворит то, что ему не доступно. В твоём случае, так получилось, что это женщины.

– Леха, ты, конечно, неплохой парень, но сейчас ты лезешь не в свое дело. Плюс ведешь себя, как кобель. Ведь ее муж, наверное, любит ее. А тут ты, такой мистер Чпок, для

кого она всего лишь очередная дырка, в которой ты макнешь свой конец.

– О... А ты, наверное, только о непорочной любви думаешь, смотря на свой предмет воздыхания? – Штырь ухмыльнулся. – Мужики делятся на два типа. Одни всю жизнь пытаются произвести впечатление на женщин: становятся летчиками, служат в армии, добиваются чего-то в карьере, совершают прочие подвиги или просто шуршат бабками, наконец. Другие же... сразу зрят в корень и просто трахают баб, обходясь без лишних ритуальных танцев.

– Мне тебя жаль!..

– А мне тебя. Искренне. Жалкое это зрелище, когда о морали говорит тот, чье тело коноёбит от пошлых мыслей. Впрочем, все о внутренней красоте глаголят, а думают о сиськах. Не ты первый и не ты последний.

Тут, наконец, вернулись девушки. И Леха, взяв под ручку загадочно улыбающуюся Яну, почтительно удалился вместе с ней.

– Она просто влюбчивая девушка, – сказала вдруг Катя, поймав неодобрительный взгляд Макса.

– Угу... Вот только струнки сердечных дел у нее звучат в области паха при виде нового рыцаря.

– Обязательно все опошлить надо?

– А чего тут еще можно опошлить?!

– Какой же ты зануда!

Вдруг Катин телефон спел первый вокальный такт «Али-

луйа», возвестив тем самым о новом текстовом сообщении. Она загадочно улыбнулась, а затем снова отлучилась в туалет. Но перед тем, как захлопнулась дверь в уборную, Макс успел заметить, что Катя приложила к уху телефон. Что-то ледяное лопнуло и разлилось по внутренностям Макса, накрепко приморозив его к стулу. Через десять минут Катя вернулась в приподнятом настроении.

– Мне надо уйти сегодня пораньше. Закончим завтра, ладно?

– Куда? – Макс хотел сказать «когда», но язык выдал его истинный вопрос.

– Подружка приехала из Питера. Не видела ее тысячу лет.

– Еще одна?

– Представь себе.

За свою богатую сексуальными обломами жизнь он заметил, что когда девушка на вопрос «куда» отвечает «какая разница», то скорее всего идет просто по делам. Но если она как по нотам рассказывает о подружке, то с львиной долей вероятности у этой «подружки» есть член.

* * *

Выйдя на улицу, Макс глубоко вдохнул аромат прошедшего дождя. Правой рукой в кармане он слегка сжимал пульт. Другой рукой из левого кармана он вытащил ленту презервативов. Розовая вывеска над входом в кафе, которому неизвестно почему дали название в честь шотландско-

го озера ЛОХ-НЕСС, горела не полностью. Осталась лишь первая часть слова, издевательски горевшая в темноте. В его свете Макс смог разобрать дату на ленте презервативов, означавшую, что срок годности истек уже больше года назад. Он выбросил их в урну у входа. Затем, подняв капюшон, вставил в уши наушники и погромче включил тяжелую музыку, чтобы не слышать сейчас никаких мыслей. «От металла до секса один шаг» – так гласило кричащее и запугивающее молодежь название статьи из «Комсомольца» времен СССР, на которую он наткнулся пару лет назад в стопках старых газет у своей бабки.

– Как же они ошибались... – пробормотал Макс себе под нос.

8. Как устроена женщина

На следующий день вместо того, чтобы пойти на работу, Макс взял отгул и сразу же после обеда отправился в один неплохой бар. Первые два глотка вискаря на короткое время вернули жажду жизни. Однако уже через десять минут, сидя за барной стойкой, он тщетно пытался совместить воедино реальность и лицемерное творчество поэтов, писателей и сценаристов, чьи герои, глаголя пышными фразами, выдавали похоть женщины за возвышенные чувства, а ее блядство за непостоянство женской души и натуры. Максиму тоже хотелось попереживать красиво и со вкусом, но в голову ему лезли отнюдь не патетические мысли. Однако следует отдать должное его воображению – мысли эти были достойны пре-

мии AVN Awards.

В первую очередь его мучили несколько вопросов: есть у Кати кто-то или нет? Спала ли она уже с ним? И если да, то каков он в постели? Если нет, то когда она собирается это сделать? Трогал ли он ее за..? Смыкались ли ее губы на его органе? Держал ли он ее за волосы в этот момент. Закатывала ли она глаза, когда он насаживал ее на свой хрящ любви? Откатывалась ли она, запыхавшаяся после всего, выдыхая с глубоким удовлетворением: «Вот это да!!!»

– Ссука! – зло процедил Макс, ударив кулаком по стойке бара.

– Простите? – изумленно произнес бармен.

– Да нет, это вы меня... простите. Можно еще, пожалуйста? – Макс извинительно опустил глаза и пододвинул очередной пустой стаканчик бармену. Тем временем колокольчик входной двери бренькнул, как лишенный всяких эмоций дворецкий, и внутрь вошел Том. На секунду тот остановился, скинув с головы промокший капюшон, с удовольствием потер замерзшие под весенним, но холодным дождем руки и направился к стойке бара. Еще через секунду, усевшись справа от Макса, он заказал себе стаканчик текилы. Посыпав углубление большого пальца солью, он слизал ее и хлопнул залпом текилу, быстро заев все это дело ломтиком лайма.

– Аххх!.. Бр... Ну, рассказывай. – Том по-дружески толкнул Макса в бок и заказал себе еще одну порцию.

– Не дала... – выдержав минутную паузу, ответил Макс

с выражением вселенской трагедии на лице. Том прыснул в сторону уже набранной в рот следующей порцией текилы и, не в состоянии сдержать себя, захохотал, согнувшись пополам на высоком табурете.

– И для этого ты меня позвал? – После первого приступа смеха Тома поразила вторая, еще более припадочный. Глядя на него, Макс сначала расплылся в улыбке, а потом тоже не смог сдержать смех, хоть и был этот смех, как показалось бы стороннему наблюдателю, сардонический. Так смеется бедняк, обнаруживший, что его последние штаны прохудились на причинном месте.

Отсмеявшись, Том махом допил то, что осталось в стакане, и заказал еще. Затем он закурил и снова повернулся к Макс. Правый его глаз залип в прищуре, как бы подмигивая, а улыбка излучала иронию и снисходительность сильного. Том всегда производил впечатление хоть и наглое, но далеко не злое человека. Однако, даже несмотря на это, рядом с ним Макс почувствовал себя сейчас снятым и брошенным на пол гондоном после неудачного секса.

– Что мне делать. Том?

– Вы программисты умеете управлять кибермиром, но часто не можете совладать с каким-нибудь влагилицем. А ведь это опасно. – Том перевел взгляд с логотипа компании на бейджике, который Макс забыл отцепить со своего кармана и посмотрел ему прямо в глаза. – У вас в руках мир, а у женщин – вы.

– Просто суки они все... – Макс отпил из стакана и выпустил дым вниз.

Выговариваясь на тему «какие бабы суки», он чувствовал себя немножко мачо. Однако с образом мачо не был согласен его кадык, который не переставал ходить ходуном. И сейчас, выдыхая сигаретный дым на манер малоэмоциональных героев из американских фильмов пятидесятых, он рассчитывал обрести хоть капельку их характера.

– Э, брат, что-то ты уж совсем обижен. Женщин следует любить. Но вот только правильно это делать умеют далеко не все. – Том подмигнул и стряхнул пепел в стеклянную пепельницу.

– Да я ради нее готов был в стенку расшибиться! А она... ноги об меня вытерла. – Макс процедил последнюю фразу сквозь зубы. Таким голосом в фильмах о сталинских временах чекисты говорили о предателях родины.

– Верю. А ей действительно это было надо? Или таким образом ты пытался расстегнуть ей лифчик? – Том забавно сморщил удивленную гримасу, и Макс самому стало смешно.

– Да уж... – напрасно пытаюсь скрыть растянувшуюся улыбку, произнес Макс. Том казался ему тем человеком, которого вряд ли можно было застукать за проливанием слез по прошедшей любви. Этот тип, полагал он, уже через пару часов будет гладить голый зад новой красотки, если какая-нибудь манда решит бросить его. – Просто я чересчур

сильно люблю ее.

– Ты ее неправильно любишь.

– В смысле? Что я делаю не так? – Макс почти вызывающе посмотрел на Тома.

– Ну, ты сам-то напружи воображение, чтобы взглянуть на себя со стороны. Твоя пиписька бегаёт за Катей, а ты бегаешь за своей пиписькой. Это тебе еще повезло, чувак, что Катя от тебя и правда убегает. Есть люди, искренне верующие, что дух полностью властвует над плотью и подчиняет её себе. Поэтому, когда их яйца начинают стонать по какой-нибудь бабе, а мозг кричит им: «дебил, беги от нее, она тебе детей засранцев нарожает, а тебе еще жить и жить», они просто выключают рассудок. А потом они никак не желают признать тот факт, что это их хер ими так жестоко управил: долги, сопли, нервы, скандалы, ранняя седина. Тогда они начинают выдувать из себя идею любви. Мол, это высшее состояние духа такое – любовь, ради которой они живут и служат в муках своей пиз... гм... музе. А по сути, муза-то их – обычная дыра.

– Катя – не дыра!.. – вскипел Макс, но просто отмахнуться от сказанного Томом было невозможно. Ведь он действительно потакал своей похоти, будучи не способным ее обуздать. С минуту они молча сидели, каждый рассматривая свой стаканчик.

– Пойми, Макс. Женщину надо просто взять. – Тихо продолжил Том, выведя Макса из транса. – Именно просто. И

именно взять. И ничему ни у кого учиться здесь не требуется. Все это уже заложено в нас с древними инстинктами, которые люди старательно заретушировали слоями этикета, подобно тому, как они скрывают свою наготу под пышными одеждами. Правильно любить женщину – это уметь взять ее!

– Но я пытался!

– Ты пытался лишь отчитаться перед самим собой. А теперь возьми ее.

– Но... Как ты себе это представляешь?

– Любая женщина мечтает побыть блядью... только слово это не любит. Поэтому таким образом хочет побыть ей, чтобы не почувствовать себя блядью.

– Ну... это ты зря так... – на лице Макса снова заиграла обида.

– Ой, да ладно тебе! Маленький, что ли?! Баба тоже человек и хочет ебаться. И также, как и мы, заводит знакомства ради ебли без обязательств. Но чтобы о ней не подумали, что она такая-сякая, она колотит понты, мол, дает ради более высокой цели – ради любви или влюбленности. Причем, проще она даст тому, чье мнение о ней не столько для нее важно, сколько его тело подходит просто для мимолетного перепихона. Если же ты ей нравишься еще и как человек, то она будет строить из себя не просто блядь, а... труднодоступную блядь.

– То есть, ты считаешь, что я нравлюсь Кате? Поэтому она мне не... – Макс оживился.

– Ты?.. С тобой другая история. – Том махнул рукой.

– В смысле?

– Ты слишком долго покупаешь товар, – Том снова закурил. – Пока ты ей что-то предлагаешь, бегаешь перед ней на цыпочках, она начинает чувствовать, что у нее есть выбор. А выбор – это ответственность. Женщина хочет секса не меньше мужчины. Но хочет, чтобы мужчина взял на себя всю моральную ответственность за него. Впрочем, не только за секс, но и вообще за все важные решения в жизни. Именно поэтому женщины просят чего-либо намеками и никогда не говорят прямо – чтобы отказаться от ответственности. Если что не так, то всегда можно сказать, что ее неправильно поняли. Ну, а если ты «слишком умный», чтобы осознать все это и не брать на себя ответственность, то она тебе говорит, что ты «размазня, а не мужик». Пойми, они не плохие и не хорошие. Просто они так устроены. Поэтому притворись решительным и ответственным дурачком. Просто дай ей почувствовать себя королевой пока будешь напяливать ее. Вот и весь секрет.

– Но ведь... это все так... грубо, пошло и ужасно цинично!..

– Это то, о чем на самом деле думают люди. Просто не все способны признаться себе в этом. Куда приятнее называть себя творением божьим, нежели высшим приматом. Суть от этого никак не изменяется – мы кусок мяса с костями, жаждущий такой же плоти. А наш интеллект закрывает все это

красивой декоративной коробочкой в виде поэзии чувств. – Том заказал еще «мензурку» и разом опрокинул ее. – Впрочем, раньше людям дико было слышать даже о том, что земля вращается вокруг солнца, а не наоборот. Выиграли те, кто говорил правду... Ну, по крайней мере, их последователи, дружащие с реальностью... Родоначалников-то сожгли, конечно...

– Тебя послушать, так складывается впечатление, что ты сам сильно обижен за что-то на женщин, – неуверенно, едва слышно сказал Макс и почему-то виновато посмотрел на своего собеседника.

– Даже если бы это и было так, то сути моих слов это бы не изменило... Но я не обижен... – Том задумался о чем-то на минуту, гоня по стойке бара из руки в руку стаканчик для текилы, – я просто философский натуралист. Я принимаю и люблю вещи такими, какие они есть на самом деле.

– И... как же ты рассматриваешь нашу с Катей ситуацию?
– Ситуааацию... Скажешь тоже! – Том усмехнулся. – Пойми, Макс, у девушки бывает избранный, а бывают поклонники, которых она держит для чувства своей значимости. И она считает, что делает этим поклонникам одолжение, позволяя ухаживать за собой. Некоторых держит на поводке обманом. От некоторых отделаться не может. Иногда честно признается себе, что врет, иногда врет сама себе, что честная. А о некоторых говорит, что ухажер лохонутый сам виноват. И так оно и есть, скорее всего. – Том затянулся сигаретой. –

Надо уметь распознавать, какую роль выбираешь.

– Похоже, мне в этой жизни особо не приходится выбирать роли, – Макс отвернулся.

– Кнопки. Ведь это как раз то, в чем тебе, как программисту мало равных, верно?

– Ну да...

– У тебя есть пульт. Подготовь ее. И бери. Не жди, что на тебя кто-то напрыгнет сам, как в порнофильмах. Ведь именно из таких сценариев состоит львиная доля твоих фантазий, правда?

Макс потупил взгляд, потому что именно этого он все время и ожидал от Кати – что она все сделает с ним сама, и напрыгнув на него, изнасилует, как следует. Последняя фраза этой мысли ассоциативно вывела его на другой, не дававший ему покоя вопрос.

– Слушай, Том. А... не считается ли это изнасилованием? Ну, в смысле, когда я пользуюсь пультом для...

– Чувак, человечество обязано своим существованием изнасилованиям. До сих пор многие женщины любят, когда их берут силой, а у каждой хоть раз в жизни случались фантазии на эту тему. Вообще-то, это одна из их самых распространенных фантазий. Они и в реале не были бы против насилия, если бы имели гарантии, что после этого их возьмут замуж с полным сундуком их проблем и будут лелеять, пока они рожают и рожают.

– Ты это сейчас серьезно? – Макс с недоверием посмотрел

на Тома.

– А ты думаешь, почему даже самые хорошие девчонки так падки на лиц ближнего зарубежья с их грубостью и примитивными ухаживаниями? Не обижайся, мэн, но если бы ты родился двести лет назад, то ты бы вообще никогда не познал прелестей влажных ласк, потому что в те времена еще происходили дуэли из-за женщин. Ты живешь в России, где для того, чтобы поиметь качественную девчатинку не приходится особо напрягаться, но даже живя здесь, ты не умеешь использовать возможности... – Том посмотрел на пустой стаканчик. – Ты вообще не способен ни на какой вид насилия, так что не парься насчет этого. А пульт... акцептор воспринимает команды, как свои собственные мысли и желания. Технически – никакое это не насилие, а лишь подсказка прямоком в подсознание. Без пульта тебе пока что ничего не светит. Я вообще смутно себе представляю, как ты можешь продлить свой род. Не обессудь.

Перед мысленным взором Макса предстала жирная, черноволосая по всему телу и с лицом, покрытым угрями, соседка, которая при встрече одаривала его желтой похотливой улыбкой с треснувшей губой. Продлевать род с «этим» Макс не решился бы и на необитаемом острове, даже если бы был парализован и не имел возможности дрончить. Лицо его залилось краской. Все, что сказал о нем Том, он тысячу раз обдумывал сам. Но теперь он это услышал так откровенно и так подробно в свой адрес, как мог бы услышать кадавр

о причинах своей смерти на столе у патологоанатома. Макс было противно слышать все то, о чем говорил Том по отношению к женщинам. Он не разделял подобных взглядов, считая их уделом быдла из подворотни. Но слова Тома посеяли в нем семя, которое дало росток сомнений в его собственных взглядах на человеческие отношения.

– Ну, хорошо. А как же мне быть с ее бойфрендом? – тихо спросил он.

– Нет у нее никакого бойфренда. По крайней мере, я бы его так не назвал. Дальше поцелуев у них пока не зашло. Так что поторопись, – Том затушил очередную сигарету, – а на этот раз она действительно проводит время с подружкой, которую давно не видела.

– Откуда ты все... – оживился Макс.

– Я присматриваю за ней одним глазком, дружище, – Том показал пальцем у себя за ухом. Именно в том месте у Кати должен был быть чип. – Так что хорош бухать. Вспомни, что и ты когда-то был самым удачливым сперматозоидом. Возьми ее уже. Она готова. И будет твоей.

Макс уставился на Тома, как мальчик, ожидающий получить мопед в подарок. На лице у него читалось предвкушение от удовольствия. Такое выражение лица можно видеть у обладателей оружия перед использованием его по назначению, или у обладателей особого инструмента, когда требуется выполнить сложную задачу. Настроение его явно улучшилось.

– Слушай, Том. Ведь ваш настоящий заказчик – это ФСБ, верно? – Макс посмотрел на Тома глазами верного пса. С такими лицами бдительные граждане из сериалов смотрят на «человека из органов». – Ведь мы с этой штуковиной всю проклятую Америку нагнем! Макс заговорил благоговейным шепотом.

– Во-первых, ты сначала хотя бы одну бабу нагни. А во-вторых, – Том выпятил нижнюю губу, – и заказчиком, и создателем являются США.

– Да ну нахуй!

– Угу. А испытывают у нас, – Том, слез с табурета и бросил на стойку несколько купюр. – Ну, а в-третьих, данная разработка – это инициатива абсолютно частной фирмы, и ни к какому конкретному государству или политике отношения не имеет. Мужик у них там давным-давно превратился в тряпье, вот и родилась идея нового сервиса. Так что расслабься и забудь про шпионов и теории заговоров. Спецслужбы тут не причем. Просто в России безопаснее проводить испытания с точки зрения гигантских исков, которые грозят за это на западе со стороны системы защиты гражданских свобод.

– Вообще-то я думал, что товар уже готов... Ты говоришь, *испытывают?*..

– А с тебя разве уже взяли деньги?

– Нет, но... Я не единственный, кто участвует в этом эксперименте?..

– Тебя это никоим образом не должно волновать. Ты по-

лучил пульт. Пользуйся в свое удовольствие столько, сколько потребуется. – Том хлопнул Макса по плечу. – Ладно, мэн, я отчалил. На связи.

II. А мечты, таки, сбываются...

9. Что такое счастье

Вечером того же дня Макс направился в кафешку, где его и Катю воспринимали уже как постоянных клиентов. Воспоминания о недавнем разговоре с Томом придали ему некоторой бодрости. И сейчас, выпуская дым в темнеющее небо, Макс вдруг ощутил странную решительность, которая граничила с отчаянием. Такую решительность испытывает человек, играющий в русскую рулетку, когда в качестве приза на кону мечта всей жизни, а за отказ от игры грозит пожизненное рабство.

Вывеску над входом в кафе починили, и Макс видел в этом хороший знак, несмотря на то, что на этот раз ему пришлось ждать Катю еще дольше, чем обычно. Она пришла с тяжелыми сумками, полными продуктов и часть вечера рассказывала о своей тупой, как она ее называла, подружке, которая, живя в Питере уже два года, до сих пор путает Кунсткамеру с Петергофом. Затем Катя жаловалась на тяжелую учебу, на подработки репетитором, на то, сколько ей придется выносить, ездя на метро к своей больной бабушке в больницу.

– А ведь так хочется побыть женщиной. Быть слабой и ни за что не отвечать, – резюмировала она. – Эй, чучело! Ты

меня слушаешь? – она, улыбнувшись, помахала рукой у него перед глазами.

– Всем иногда хочется побыть женщиной. Даже мужчинам, – очнулся Макс от своих мыслей.

Глаза Кати округлились, когда он, затушив сигарету, позвал официантку, заплатил ей и встал, чтобы уходить.

– Ты торопишься?

– Да. Мне пора. Я тебя провожу.

По дороге домой, боковым зрением он уловил пытливые взгляды Кати.

– Не хочешь взять у меня сумку? – не выдержала, наконец, она.

– Нет, не хочу.

– Да что с тобой такое сегодня? Я накупила тяжелых продуктов, рассчитывая на твою мужскую помощь. По-дружески вежливо, ведь, попросила, а ты грубишь!

На какую-то долю секунды Макс уже был готов выпалить: «Ну, пиздец! А если я теперь член вытащу, мол, пососи, я рассчитываю на твою женскую помощь?!» Но вовремя опомнился, несмотря на неведомую ему до сего момента животную ярость первобытного самца. Стараясь сохранять самообладание, он ответил:

– Я не грублю. Просто не хочу. А ты не хочешь мне зашить куртку по-дружески? Я же не покупаю продукты, рассчитывая на то, что ты проявишь свои женские кулинарные способности, да приготовишь мне чего-нибудь как другу.

– Ясно. Наслушался вчера шуточек своего ушлого дружка... Только я не такая, как Яна, чтобы на это купиться. Дальше я сама пойду!

– Хорошо, – Макс отсалютовал ей и развернулся, чтобы уходить.

– Вообще-то я тебе помогаю с твоим проектом! – Крикнула она ему вслед.

– Нет никакого проекта. Я все выдумал, чтобы снова попытаться трахнуть тебя! – Макс уже шагал прочь. Из кармана он достал пульт и импульсивно, сам до конца не отдавая отчета этому действию, зло нажал на кнопку «либидо», выставив при этом максимальный уровень с отметкой «10». Через полминуты за своей спиной он услышал торопливое цоканье каблучков. Обезав его спереди, Катя размахнулась для пощечины, но Макс успел поймать ее руку.

– Пусти! – она попыталась высвободиться.

– Ты сама внедрилась в мое личное пространство. Это моя территория и здесь я командую и решаю, – он отпустил ее руку, но Катя снова попыталась ударить его, на этот раз кулаком в грудь. Макс поймал ее за плечи, вдыхая сводящий с ума женский аромат. Пытаясь высвободиться, она сексуально сдула волосы с глаз, и его член предательски уперся в брючную молнию, грозясь прорвать ее и выскочить, как чертик из табакерки, раскачиваясь при этом маятником метронома. Всю его жизнь до этого момента многочисленные феи из эротических фантазий сами ловили Макса за член, угова-

ривая нежно изнасиловать их. И сейчас он испытал настоящий инсайт, осознавая, что девяносто девять процентов всех действий на пути к цели были бесплодны. Он рывком притянул Катю за плечи и поцеловал ее в засос. В отличие от ее глаз, которые пребывали в изумлении еще несколько секунд, язык Кати оказался более сообразительным. Поцелуй получился настолько нежным, а ее дыхание было таким свежим и горячим, что Макс моментально кончил.

* * *

Он проводил ее до дома, где они поцеловались еще раз, прежде чем Катя аккуратно высвободила свою руку из его руки и с застенчивой улыбкой растворилась в темноте подъезда. Перед тем, как исчезнуть в темноте, она остановилась на секунду в пол оборота, чтобы помахать ему.

Макс зашагал прочь. Воображение не скупилось на смелые фантазии. Все они были пошлые и по первобытному лишены всякой романтики, но это его ничуть не беспокоило теперь. В его голове мелькнула мысль, что, по-видимому, именно так ощущает себя человек, выигравший несколько сотен миллионов долларов. Еще вчера этот человек помышлял посвятить свою жизнь науке, стартапам, миссии доброй воли в Африке, а сегодня все его помыслы содержали лишь сцены из порнографического фильма, показав, что все предыдущие высокие идеи были лишь заменой прежде недостижимому, или же служили средством достижения того са-

мого. «Разве это является истинной целью всех людей? – спросил сам себя Макс. – Ведь я люблю ее самой чистой любовью на свете! Я точно знаю это!» Но образ чувственных, слегка влажных губ Кати тотчас же заиграл явно не в поэтическом эпизоде воображения Макса. И хотя до его дома было далеко, добираться он решил пешком, предвкушая очень интересные события в ближайшие дни.

От мысли, что Катя будет принадлежать ему, Макса пронимала дрожь. Но образ «его Кати» все никак не натягивался на парадигму его представления о самом себе. Он пытался переварить эту мысль, визуализируя себе, как будет неистово онанировать сегодня перед сном в своей постели. Но реальность продолжала наваливаться на него той своей мягкой бархатной стороной, которой она обычно наваливается на победителей. Он почувствовал, как чья-то рука резко одернула его за рукав, и через секунду Катины сладкие губы вновь одаривали Макса поцелуями, обещающими главный приз сегодняшнему самцу-победителю.

* * *

Через час они лежали голые на больших диванных подушках, скинутых в спешке на пол в гостиной квартиры Катиной бабушки, которая сейчас лежала в больнице. Макс курил сигарету, а Катя рассказывала что-то позитивное, поглаживая его по тщедушной груди. Он не слушал ее. Еще вчера он был уверен, что иметь эту самку будет лишь в своих фантазиях

до самой старости, а сегодня все его страхи оказались надуманными и смешными. И вот он уже даже не был готов принять всех подарков судьбы, желая перерыва в развитии событий. Сегодня в кафе ему вдруг стало уже наплевать на то, что будет. «Просто взять, – опять подумал он. – Как же все просто, когда тебе все равно!» Для кого-то некоторые вещи всего лишь клише. А для кого-то это прозрение.

Наслаждаясь тишиной, когда Катя, наконец, уснула, Макс поглаживал ее бедра и ягодицы, ощущая нежнейшую кожу. Курносая грудь походила на двух спящих лисичек с милыми мордашками. «Никаких резинок у меня нет. Возьми меня уже так!» – воспоминания о недавнем ощущении горячей влаги узкого влагалища не давали ему заснуть: прижав Макса спиной к стенке у кровати, и сидя на нем, Катя вовсе не была похожа на непорочную деву. Ее нежное нутро в финале выдало четыре мощных спазма, которые подобно детонатору взорвали головку Макса в обессиливающем оргазме, и его член наполнил Катю горячим напалмом.

После первого раза и небольшого перерыва последовали ласки, которые переросли в еще один заход. На этот раз все было более нежно, медленно и прочувствованно. В позиции *doggystyle* Катя подмахивала ему бархатной попкой в ритм своих тихих, но чувственных вздохов. Макс все еще не верил в происходящее, когда обеими руками поглаживал ее прогибающуюся и гладкую спину.

И сейчас, рассматривая спящую красавицу, он ждал зав-

трашнего утра, чтобы с первым открытым Катиным глазом посвятить ей всю свою утреннюю эрекцию. Похожее волнующее нетерпение он испытывал последний раз лет пятнадцать назад, когда дед подарил ему на день рождения велосипед. Кататься на нем хотелось, не переставая, снова и снова. И тогда он долго не желал идти спать. Бесконечное счастье окутывало его от одной только мысли, что велосипед и утром по-прежнему будет принадлежать ему, радуя своим существованием и даруя возможности для открытия чего-то нового в этом мире. «Не верьте тем, кто авторитетно глаголит, что не стоит гнаться за мечтой. Они не вкушали плодов этой охоты никогда. Лжецы!» – Подумал Макс.

Наконец, он встал, чтобы пойти отлить. Смывая в раковину сперму с члена, он пообещал Богу, в которого не верил, что если Катя забеременеет от него и родит, то он будет носить ее на руках до конца своих дней.

10. Что может пульт от женщины, но чего не может Макс

В течение следующей недели, Макс проделал с Катей все, что только он мог себе нафантазировать с того самого возраста, с которого его стручок начал доставлять удовольствие, делаясь твердым, как нос у Пиноккио. Когда сильно больная бабушка Кати на время своего пребывания в больнице разрешила ей пожить в своей удобно расположенной от консерватории квартире со словами: «пользуйся в свое удовольствие», то она вряд ли имела ввиду прикованную це-

пиями внучку к антикварной двуспальной кровати, на которой никто не спал уже лет сто. Макс честно пытался сдерживать себя, чтобы реализовывать свои фантазии потихонечку, с удовольствием растягивая процесс постепенного достижения эротических целей. Но не сдержался, уподобляясь ребенку, который набрасывается на коробку конфет, проглатывая ее в один присест. Особую радость ему доставило известие Кати о том, что она давно принимает противозачаточные таблетки, которые ей прописал врач для коррекции цикла месячных и, по ее словам, это никак не было связано с ее скромной до сего дня половой жизнью. В глазах Кати Макс читал удивление: «откуда у него столько энергии?» Он подозревал, что удивление у нее вызывает еще и ее собственное внезапное и неумное желание, которое он услужливо удовлетворял, подобно продавцу газировки в пустыне, утоляющему жажду иссушенному путнику.

Не обошлось и без инцидентов. Один раз вечером в подъезде их поймала пожилая соседка Катиной бабушки за просмотром порно на телефоне. Ребята так увлеклись, что не заметили застывшую над ними фигуру, потерявшую свою форму уже лет сорок назад. «Так та-а-ак! Будем теперь знать, что наша Катенька любит такое», – сказала фигура противным голосом, особо делая акцент на слове «будем» и подчеркивая множественное число. От неожиданности Макс мгновенно вскочил, но Катя, казалось, совершенно не растерялась и парировала в ответ любопытной старушенции: «А еще

я без трусов, Валентина Васильевна!» Левой рукой она задрала юбку, а правой взялась за перила, чтобы, проявляя чудеса гибкости, нагнуться и посмотреть между своих стройных расставленных ног на стоящую на лестничной площадке несчастную старушенцию, которая мгновенно забыла, зачем на ночь глядя вышла из своей квартиры.

– Мне никогда не нравились ваши старые твердые карамельки, за которые от меня требовали говорить вам спасибо, – сказала Катя, рассматривая предмет своей детской неприязни вверх ногами.

В следующее мгновение бабулька рухнула без чувств, а через полчаса ехала в скорой в одну из городских больниц. Возможно, в ту же, где сейчас лежала ее соседка.

Уже в первые дни своей дружбы организмами с Катей он при помощи пульта «попросил» ее рассказать, сколько у нее было мужчин до него. Катя, сказав, что ей очень стыдно, призналась, что он у нее уже четвертый. О достоверности судить Максу было тяжело. Как он уже сам догадался, при помощи словесного меню пульт мог лишь вывести на разговор о чем-либо без всякой гарантии, что сказанное будет правдой, даже если он поставит тысячу восклицательных знаков в сообщении: «скажи мне правду». Поэтому он задействовал меню физиологических функций, введя таким образом Катю в состояние транса. Лежа на диване, как на кушетке у дядюшки Фрейда, она охотно и с удовольствием описала все свои прегрешения с восемью сексуальными партнерами.

Уже во время истории о потере девственности с учителем по МХК, Макс боролся с сильным желанием треснуть ее по башке чем-нибудь очень тяжелым, что заставило бы ее замолчать навсегда. Но, постепенно успокоившись, он вспомнил, что сам пожелал узнать правду. Правду Катя изливала легко и приятно, как в известном Булгаковском романе. Из этой правды Макс узнал для себя, что минет не является полноценным сексуальным актом и поэтому не считается за «раз». С «простоминетом» у Кати набралось десять партнеров. Он успокоил себя, что для двадцатидвухлетней девушки, живущей в большом городе, сегодня это норма. Однако его не могло не уколоть то обстоятельство, что его сексуальный опыт был куда скромнее, несмотря на то, что он был старше на четыре года.

Поведала Катя и о том, как позволяла ухаживать за собой сразу двум парням, водя их за нос. С одним она ходила в кино и в кафе, а с другим просто целовалась у него дома. Сие известие снова привело Макса в бешенство. Но когда он удостоверился, что кроме поцелуев с тем ухажером действительно дело дальше не зашло, то успокоился и погрузился в состояние тихого злорадства по отношению к своему сопернику. Впервые в жизни его обуяло чувство превосходства над другим самцом. Когда он вывел Катю из транса, та ничего не помнила.

Макс мысленно пел дифирамбы создателям пульта. Однако, конечно же, не обошлось без обломов, иначе Макс не

был бы Максом. Когда после своего эксперимента с «сывороткой правды» он спросил Катю, уже находившуюся в сознании бодрствования, что стало с тем ухажером, с которым по ее словам она начала встречаться, когда отшила его, Макса, несколько месяцев назад, она сказала, что тогда все выдумала и что никого у нее не было все это время. Видя негодование в глазах Макса, Катя поспешила заверить его, что по отношению к нему она никогда бы так не поступила, чтобы лгать. Потому что он, Макс, особенный. С трудом скрывая свою злобу, он вывел «либидо» на максимум, а затем скромно ввел в поле текстового меню «оральный секс», сторя от желания сладкой мести за явную ложь. Ведь до сих пор он не решался на такое, наивно полагая, что Катя до сего дня лишь скромно посасывала коктейли из соломинки. Но вместо «неполноценного сексуального акта», о котором несколько минут назад она рассказывала, лежа на кушетке, Катя стянула с себя трусики и, смущенно поглядывая на Макса, раздвинула свои ножки. Она поманила его пальцем и откинулась на кухонном столе, уставившись в потолок с загадочной улыбкой Моны Лизы.

– Я... такого еще никогда не... – растерялся Макс.

– У тебя получится, дурачок, – прикрыв глаза, она замерла в предвкушении, – у меня тоже это будет впервые. Ну... по крайней мере, еще никому не удавалось довести меня таким образом, – она развязала поясок халата и распахнула его, – поцелуй меня в животик.

Первый раз Макс видел так близко то, из-за чего произошло большинство убийств и всех кровавых конфликтов на земле. Оно было аккуратно, как с картинки и полностью эпилировано при помощи воска. На теле у Кати вообще не было ни единого лишнего волоска. И с мыслью о том, что нет повести печальнее на свете, чем повесть об упущенном миге, Макс принялся открывать для себя новое.

* * *

Тем не менее, уже в тот же вечер при помощи пульта ему удалось конкретнее «разъяснить» ей, что он подразумевает под оральными ласками. Первый раз в жизни его член испытал все прелести минета без презерватива. И хотя по уверениям Кати она была скромна и неопытна, ее горячий язычок и влажные губы работали так, как будто от них, а не от голосовых связок и диафрагмы, зависело Катинo поступление в венскую школу вокала. Макс лишь тешил себя той мыслью, что это врожденный сосательно-хватательный рефлекс, который по утверждению его тети акушера, у девочек развит лучше, чем у мальчиков. А сам он где-то читал, что именно умение сосать сыграло важную роль в выживании млекопитающих. Его размышления прервало ощущение приближающегося сильного оргазма, как раз на той самой мысли, что утиные губы на фотографиях одиноких девушек не такой уж и глупый способ попытаться выйти замуж. Макс честно пытался высвободиться, чтобы избежать семяизвержения, но

Катя одной рукой взяла его за зад, а другой нежно за мошонку, доведя дело до конца.

Теперь каждый день после работы, он буквально летел к ней домой, будучи уверенный в том, что счастье – это когда идешь к любимой девушке в гости и знаешь, что сейчас стопроцентно будет секс. Все остальное теперь, по мнению Макса, было лишь иллюзией счастья. Как-то давно, когда он гостил у своего деда в деревне, тот сказал ему, что большинство мужчин до конца своей жизни имеют только лишь образ своих идеальных отношений с девушкой. В этом образе ему и ей по семнадцать лет. И всю жизнь мужчина пытается добиться этого образа из своего воображения, забывая о том, что семнадцать лет ему больше никогда не будет. Сначала он считает, что не достоин своего образа пока не подарит девушке красивые сережки. И он вкалывает, чтобы заработать ей на эти сережки, или чтобы сводить ее в ресторан. Потом он много работает, чтобы купить квартиру, в которой он будет заниматься сексом с этой девушкой и машину, чтобы возить ее в эту квартиру. Но вся беда в том, что сережки, квартира и машина приходят много позже, когда идеальная девушка из его образа заменяется на реальную. Та идеальная теперь с другим и сильно постарела, да и он сам уже не молод. Конечно, дед имел ввиду не квартиру, а избу. А о машине во времена его молодости и не мечтали. Лишь только под конец жизни он ездил на старой шестерке. В рестораны же деревенских девушек никто не водил, ограничиваясь по-

ходами в сельские клубы и кино. Но смысл его слов Макс интерпретировал верно.

– Вот ты все свои книжки читаешь, а Машка, вон, соседская по тебе росой исходит, – говорил ему его добрый подвыпивший дед, вставляя «Приму» в мундштук.

– Деда... перестань, ну...

– Эх, внучара ты глупая моя... Если бы мне сейчас твою молодость! – Дед добродушно засмеялся, причмокивая, когда раскуривал дымную сигарету.

– О... Не начинай опять мозгосверлений с высоты прожитых лет.

– Могу гордиться, что прожитых не понапрасну, между прочим! Пойми, Максимка, мужик в материальном плане начинает цениться только после тридцати пяти, когда жизнь начинает приносить денежные плоды. Многие всю жизнь пашут, чтобы только поймать бабу. И часто все мимо. Они могут прожить насыщенную жизнь, стать героями, раздавать люлей врагам и подлым, быть спортсменами, играть на гитаре и петь. Глядь, в сорок у них уже все есть. Даже пузо и лысина. А бабы-то и нет. Впрочем... бабы тоже порой всю жизнь тренируются ловить венки на чужих свадьбах, но не готовятся стать женой... Но я не об этом... – Дед, хорошо захмелев, встал, покачиваясь со скамейки, чтобы пойти спать. Перед тем, как уйти он сказал:

– Нельзя жить мимо. В семнадцать у тебя, конечно, ни шиша нет за душой, пока твой хренок жалобно скулит. Но в

этом возрасте к тебе еще нет особых финансовых претензий со стороны девок. Молодость побеждает. Используй это, а то потом и вспомнить-то нечего будет, когда только на семью пахать станешь. После того, как твой отец долдон появился на свет, у меня уже времени и сил не было. Гуляй! Тока это... побочные эффекты в виде ребенышей тебе сейчас не нужны. Аккуратнее будь, не дури. – И известный во всей округе ветеринар, которого жители сел, звали «добрый доктор Айболит» ушел спать, так и не дожив до того момента, когда внук стал мужчиной.

Вспоминая слова деда, Макс посмотрел на спящую Катю. У него дома лежала самая милая девушка на свете. Он имел над ней власть при помощи пульта и осознал то, что никакой он не альфа. Поедая мед, хочется чувствовать, что имеешь на него право. Поэтому некоторые мысли назойливо гудели, как комары в темноте, и не давали ему уснуть. Он решил позвонить Тому.

– Да, чувак. Чего стряслось опять? – голос Тома был настороженным.

– Взял.

– А я-то уже думал поменять тебе девку на другую, поговорчивее. Шучу, конечно. Ну, поздравляю тебя! Красава! На самом деле, я в курсе, что все у вас хорошо. Индикация работает.

– Чего же ты сам не позвонил?

– Если я буду после каждой первой палки своих клиентов

звонить им с поздравлениями, то когда-нибудь кто-нибудь из них просто убьет меня.

– Чувак, я на седьмом небе! Она кончает как...

– Бррр... Избавь меня от подробностей. Не забывай, что у меня все ее биологические показатели и все твои команды. Мне дела до них нет, пока все идет как надо хорошо и все счастливы.

– Да я понимаю...

– Поздравляю тебя. Правда. Слушай, если это все, то я сам сейчас не один...

– Извини, просто... Хотел сказать... Я, наверное, верну пульт.

В телефоне послышался усталый вздох Тома.

– Слушай, мужик, не ты первый, кто после пары дней кайфа считает, что теперь больше не нуждается в наших услугах. Поверь мне, еще рано. Без пульта ты – ноль.

– Да в том-то и дело... Не хочу я так. Другие имеют власть над своими девушками при помощи каких-то своих естественных качеств. Понимаешь меня?

– Ну и что с того? Честный ты наш Дон Кихот! – Том был раздражен. – В этом мире каждый вправе использовать то, что у него есть! Разве бывает честный бой?! Даже если рыцари имели одинаковое снаряжение, все равно побеждал наиболее подготовленный из них. Разве это честно, если один лучше подготовлен? В личной жизни такая же шняга: у кого-то лицо и мышцы, у кого-то деньги и тачка, у кого-то

член тридцать сантиметров. Кому что подарила судьба. И если бы существовала такая возможность, то черные предпочли бы быть белыми, феминистки стали бы мужиками, а задроты превратились бы в мачо. Все они просто выбрали бы быть сильнейшими. Но все это либо не реально, либо очень тяжело достижимо. Поэтому негры просто добились белых прав, феминистки залезли на трибуну закона, а Макс получил пульт управления женщиной.

– Хорошо... будь по-твоему, – тихо сказал Макс. Но ответь мне еще на один вопрос. Со мной-то ботаном все ясно... Но неужели у них на западе все настолько плохо с женщинами, что появился спрос на подобный товар, как пульт?

– А ты сравни их фильмы и наши. У них респектабельные чуваки воюют за стареющее влагалище с прицепом. За право растить чужих детей и осеменить это влагалище еще раз. И все это ради того, чтобы быть нужным и иметь допуск к телу. У нас же двадцатилетние красавицы поклоняются пятидесятилетнему безработному фалосу-художнику на скейборде...

– Да... наверное, ты снова прав...

– Не наверное, а точно... – сказал Том, а затем добавил уже гораздо тише, – слушай, я бы поболтал с тобой, но и мне надо попарить качан. Выпьем потом. Ты еще не проставился.

– Без базара!

– Эротичных тебе снов, чувак.

И на этой успокаивающей совести и самолюбие ноте Макс затушил сигарету и улегся спать, ощущая упругую и теплую

грудь Кати, упершуюся ему в спину. Только сейчас ему стал полностью понятен смысл сказанного его дедом. И Макс предстояло наверстывать упущенное.

11. Фантазии Кати

Лето полностью вступило в свои права и, казалось, каждый порыв теплого ветра, который колыхал девичьи платья, теперь был пропитан феромонами. По настоянию Макса, Катя теперь не носила нижнего белья, что позволяло им спонтанно предаваться разврату даже в городских парках. Бабушку Кати, наконец-то, выписали из больницы, а ехать на съемную квартиру Макса после того, как он ее встречал с учебы, часто элементарно не хватало терпения. Люди, пришедшие на пикник, порой и не догадывались, что девушка, сидящая верхом на парне задом наперед, не просто делает ему массаж ног. Занимались они этим и в поезде, взяв купе на двоих до Питера, а один раз умудрились даже в электричке. Зайдя в пустой лифт в каком-нибудь высотном здании, в задачу Кати входило успеть довести Макса до оргазма, пока они ехали до самого верха, постоянно рискуя, что кто-то зайдет посередине. Впрочем, пару раз доходило до откровенной наглости. Один раз, когда Макс, посчитав, что они остались совсем одни, полностью раздел Катю в парке у пруда. Она так неистово прыгала на нем и кричала: «О, черт!», постоянно убирая одной рукой спадающую копну волос со своего лица, что им вскоре пришлось, смеясь, убежать от полицейских фонариков, освещающих их сверкающие задницы. Другой раз Катя

была в платье, но Макс умудрился «натянуть» ее прямо в библиотеке консерватории. Естественно, что их кто-то сдал. И, стоя на ковре у ректора консерватории, Кате чудом удалось избежать исключения, играя из себя саму богиню добродетели Гевьон. Благо, ректор была очень близорукой дамочкой, что оградило ее психику от вида нагло просвечивающих сквозь летний сарафан стоячих сосков без бюстгальтера, который в это время болтался разорванный где-то на уровне талии под одеждой.

Но они и не думали, чтобы перестать рисковать. При помощи пульта Макс выведет все Катини фантазии. Были среди них и безобидные, по типу начать приставать к ней в метро в час пик и рукой заставить ее кончить. Но были и достаточно странные. Для реализации одной из таких фантазий, они остались ночью на сцене в «консерве». Катя плакала и играла на рояле посреди сцены, а Макс должен был хлестать ее по заднице дирижерской палочкой каждый раз, когда она сбивалась. Она просила бить сильнее, хоть сама уже и корчилась от боли. Ему даже почудилось, что она шепчет: «Я все разучу, Виктор Петрович, пожалуйста». А после, все завершилось позой «шестьдесят девять» прямо на крышке большого белого лакированного рояля. Были среди ее фантазий и настораживающие, когда она одевалась, как девочка, завязывала банты и просила изнасиловать ее на диване, пока они смотрели «Ну, погоди!». Но большинство ее желаний все же являлись вполне здоровыми, что в целом его радовало.

Один раз, катаясь на вечерней электричке, она уселась на Макса, ничуть не смущаясь редких пассажиров, которые сделали вид, что заняты своими телефонами. А чтобы добрать остроты ощущений, Катя потащила Макса в тамбур, и пока тот имел ее сзади, она через окошко двери смотрела на освещаемые луной проплывающие пейзажи. Макс уже изрядно перенервничал и в тот момент желал только поскорее все закончить. Но Катя, чувствуя приближение самого «пикантного» момента, вдруг дернула стоп-кран.

– Зачем ты это сделала? Нас арестуют! – Макс из-за резкого торможения хорошенько приложился лбом о стену.

– Но ты же возьмешь всю вину на себя, правда ведь? – Катя смотрела на него абсолютно невинными глазами.

– Я? Ну... Д-да...

– Бежим, дурак! – Она открыла дверь, откинула щит со ступенек, и они выпорхнули в ночь, освещаемую лишь лунной.

Держась за руки, они бежали через лес и смеялись, как дети, которые разбили стекло в школе.

– Куда мы? – спросил запыхавшийся Макс.

– Мне показалось, что сквозь деревья я увидела чудесное место...

– Что за... – Он не успел произнести свой вопрос, как перед ними возникло совершенно волшебное озеро. Лунная дорожка едва колыхалась на воде посреди леса. Рывком Катя стянула с себя платье через голову и полезла в воду. Ски-

нув одежду, за ней последовал и Макс. Ощущения горячего влагилица посреди прохладной воды заглушило у него в голове все вопросы по поводу того, как они будут добираться домой...

А через неделю после этого приключения Катя потащила его на один из нудистских пляжей. Поначалу в Максе конкурировали два ощущения: чувство стыда за свое тщедушное тело и ревность от того, что кто-то, кроме него, видит его девушку во всей первобытной красе. Но поняв, что на этом пляже из всех женщин у Кати было самое красивое тело, в нем поселилось что-то еще. Макс подумал, что именно так себя чувствуют удачливые и уважаемые охотники в своем племени. Он ловил на себе завистливые взгляды других самцов, которым повезло куда меньше со своими бледными курами.

Сначала он и Катя просто лежали и болтали обо всем подряд, ничем не выделяясь среди окружающих, кроме ее внешности. Затем она легла на спину и потянула на себя Макса.

– Ты чо, совсем чеканулась, Катюха?!

Она нежно взяла в свою руку его пенис, который тут же отреагировал.

– Я хочу, чтобы ты расслабился и хорошенько меня трахнул, – шепнула она ему, обвинив его зад ногами. Еще через минуту она говорила уже громче: «Отымей меня, имей... Еби меня, еби всю! Я хочу, чтобы меня ебал только ты!!!» В тот день своим поведением они подали заразительный пример

некоторым из посетителей пляжа. И после этого случая Макс решил взять перерыв от Кати на пару дней, сославшись на завал в работе. Но как бы не так. В первый же вечер Катя позвонила ему и вместо привычного «привет» выпалила: «Я хочу стоять на коленях и сосать твой член»...

– Бери такси. Я заплачу водителю.

* * *

Макс любил смотреть, как Катя занимается дома, сидя голлой за синтезатором и разучивая партии. Иногда она сидела прямо на нем... Играла и пела Баха. От акустических колебаний и мышечных напряжений ее влагалище выдавало такой сложный букет вибраций, что у него буквально закатывались глаза. Затем она брала его руки, подносила их к своей груди и показывала ему, как следует «подкручивать» высоту, тембр, громкость и выбор станций. Это называлась «игра в радио».

Но больше всего им обоим нравилось заниматься сексом перед самым выходом Кати на сцену, когда она выступала где-либо. В таких случаях Макс имел счастье иметь когда служанку, а когда и царицу ночи. Они достигли такого мастерства, что ровно за минуту до ее выхода на сцену оба успевали кончить где-нибудь за задником. И когда уже взволнованная труппа начинала не на шутку беспокоиться из-за отсутствия героини, та стремглав появлялась, как ни в чем не бывало... правда, порой, слегка помятая. Так, в четвертом

действии «Свадьбы Фигаро» во время исполнения знаменитой арии Сюзанны “Giunse alfin il momento...Deh vieni, non tardar” у героини по бедрам стекало семя... что вряд ли было задумано автором.

– У меня со старших классов была фантазия забыть надеть трусы... И чтобы это кто-нибудь заметил, а мне бы было очень стыдно. Всегда очень хотелось. Но я так и не решалась... Так себе фантазия... Оказалось, что не работает.

– Почему? Думаю, кто-то да заметил...

– Да, но мне вовсе не стыдно.

– Ах ты, бесстыдная моя служанка! – Макс перевернул Катю на живот и слегка укусил её в ягодицу.

– Ты знаешь... Я хочу петь графиню, а не Сюзанну в этой опере, – поделилась она.

– Так, как ты, никто не споет арию Сюзанны. Чем тебе не нравится твоя партия? – спросил Макс.

– Не в этом дело, дурачок. Просто тогда бы ты имел графиню, а не служанку.

Они никогда не планировали свои дни заранее. И в зависимости от того, к чьему дому из них двоих они оказывались ближе поздним вечером, там они и ночевали. Катя, как и Макс, тоже снимала маленькую квартирку. Жить она тоже предпочитала «самостоятельно». Но в отличие от него, ей в этом помогали родители и бабушка, так как кроме подработок у Кати другой занятости не было. Максиму только оставалось удивляться откуда у нее берутся деньги на изящный

гардероб и далеко недешевую косметику. Впрочем, имея родителей профессоров, это было не так уж и удивительно. Сей факт только пробуждал в Максе чувство классового несоответствия с Катей, и порой подстегивал его к сладкой мести в ритме злого траха, когда во время секса с ней в нем вдруг просыпался мальчик из бедной семьи.

Серьезно они не ссорились. А если и бывало, что кто-то из них надуется из-за чего-либо, то долго это не продолжалось. В конце концов, они условились, что если кому-то из них станет совсем грустно, то он скажет: «минутка нежности». И тогда оба должны были крепко обняться вместе и забыть о всех раздорах. Как правило, такие примирения заканчивались сексом.

Но, по факту, Макс осознал, что ее обиды никак не смогут отразиться на ее подчинении. Он делал с Катей все, чего только мог пожелать в любое время дня и ночи. Вне зависимости от обстоятельств она беспрекословно выполняла все, что Макс повелевал ей при помощи пульта. Он воплощал все свои извращенные фантазии, переодевая ее в персонажей любимых, со времен голодных сексом студенческих лет, ролевых игр. Останавливая лифт между этажами, он разрывал на ней одежду и имел ее там абсолютно нагой. Ему ни разу не пришлось услышать от нее о больной голове или о плохом настроении. Конечно, были еще и месячные, но такие дни они называли «неделей устных упражнений». Порой, к удивлению Макса, Катя даже проявляла инициати-

ву, начиная отдрачивать ему прямо в ресторане под столом. Или когда в такси она ложилась ему на колени подремать, но через минуту он чувствовал, как расстегивается его ширинка.

Все остатки угрызений совести по поводу использования пульта окончательно рассосались и больше не докучали ему ненужной рефлексией. Макс уже и думать забыл, что всему, что есть между ним и Катей, он обязан пульту. Но один раз произошел случай, который выбил из-под него почву, на которую он уже привык опираться. Макс буквально побелел, когда, войдя в комнату, увидел Катю, держащую в руках пульт от самой себя. Он совершил большую неосторожность, забыв его на диване.

– Как мило. Что это? – спросила она?

– Заказал на алиэкспресс... Коллеге хочу сюрприз на работе сделать. – Макс протянул руку, чтобы забрать пульт, но Катя, играючи, одернула ее.

– Ну, дай посмотреть! Ого, сколько здесь всего! Это что-то типа успокоительного для вечных девственников? Хи-хи... А давай поиграем, а? Только говори мне, что ты выбрал. Или нет... Не говори. Я сама попробую угадать, – она вскочила ногами на диван.

– Ну ладно, прекрати. Давай его сюда, а то не доживет до вручения. Китайское же говно все-таки.

– Да не бойся, новый закажем. – Катя отвела руку с пультом назад, чтобы Макс не смог до него дотянуться. Затем,

весело смеясь, она побежала вприпрыжку через всю комнату, – догони меня!

– А если догоню, что будет? – Он сделал шаг и Катя, вскочив на подоконник, выставила руку с пультом в форточку. Макс позеленел.

– Слушай, кроме шуток... У кореша днюха уже завтра. Новый не успеем заказать.

– Да ладно тебе, не плач. Тебе этот коллега так дорог, что ты весь сморщился, как кощей от вида яйца с иголкой? – Катя слезла с подоконника и подошла к Максиму. Затем, перед тем, как вернуть ему пульт, она задержалась на секунду. – Мммм... Минет? – Посмотрев блядским взглядом ему в глаза, она нажала на кнопку, – а как вдруг хочется-то на самом деле...

– Вот ты дура у меня, – он забрал пульт, а через секунду почувствовал, как Катя стягивает с него штаны.

* * *

Несмотря на полное подчинение Катиной воли, Макс ни разу не видел в ее поведении и намека на влюбленность. Она никогда не говорила о том, что чувствует по отношению к нему. Макс же был уверен в своих чувствах по отношению к ней. И это обстоятельство не могло оставить его самолюбие в покое.

Как-то вечером, на Катин телефон позвонили. На экране высветилось имя некоего Вахтанга. Она не ответила на зво-

нок.

– Это что еще за ослиный хер??? – взревел Макс. Через минуту он пришел в еще большее бешенство, когда узнал, что этот тот самый ухажер, с которым она водила его за нос. – И часто он тебе звонит?

– Звонил пару раз... Все встретиться хотел. Но я сказала, что занята.

Слово «занята» покорило Макса. Оно не несло никакой позитивной эмоциональной нагрузки по отношению к нему.

– А если бы не была занята? Стала бы встречаться с ним? Да? Он более интересный?

– Ты сейчас истеришь на пустом месте, как баба...

– Да я ему ебальник разобью! – Макс схватил Катин телефон.

– Угу... он кикбоксер. Вперед. Только накопи себе на пластику сначала.

Последняя фраза Кати привела Макса в чувство, но он уже нажал на вызов, так что «съезжать с темы» было бы позорно.

– Ку-ку, пропащая тигрица, – голос на том конце был с хрипотцой и имел южный акцент.

– Это ее тигр. А ты кавказел, держись от нее подальше!!! – Губы у Макса дрожали, а лицо побелело. Но разговор на том конце прервали.

Катя удивленно посмотрела на Максима.

– Не знала, что ты... расист, – сказала она с явным осуж-

дением, но в котором слышался еще и тихий восторг.

– Не знал, что ты падка на таких.

– У нас с ним ничего не было, дурак! – И она толкнула Макса на кровать, – он, конечно, меня достал. Но ты у меня, все-таки, грязный расист. Он, между прочим, врач. И очень помог связями моей бабушке. Нехорошо получилось.

– Ты же говорила, он кикбоксер.

– Это я тебя проверяла, – она нежно поцеловала Макса в уголок рта.

– Ты любишь меня? – Спросил он, наконец.

Но вместо ответа она быстро стянула с себя трусы и прямо в юбке села ему на лицо.

– Что-то твой язык сегодня совсем не тем занят. Пусть поработает с пользой.

12. А существует ли любовь?

Бегунок постепенно приближался к отметке следующего последнего уровня. Когда до заветной отметки на шкале оставалось всего два деления, он снова решил встретиться с Томом.

– Она не любит меня... – Макс бросил остаток булки стае голубей около скамейки в сквере, на которой сидели он и Том.

– Ну, так в чем проблема? У тебя есть средство. Скоро получишь доступ к последнему уровню.

– А... существует ли она? Ну... любовь, в смысле... Что изменится, когда я задействую эту функцию?

– Я не знаю... Может она и существует. Но она как бог, как НЛО, как Йети, или как точный прогноз фондового рынка – никто не видел, но все об этом говорят и знают, как выглядит. – Том улыбнулся и закурил.

– Я хочу, чтобы она меня полюбила по-настоящему, понимаешь?

– По мне, так любовь – это невроз. Но если, кто принимает ощущения от любви за реальность... это уже психоз.

– Я люблю Катю, Том...

– Люби, – Том посмотрел Максу в глаза и продолжил, – но помни, что человек перестает уважать то, что ему чрезмерно подчиняется и потекает во всем. Он воспринимает это, как часть самого себя, и начинает видеть в подчиненном свои не самые лучшие стороны. Ведь тот прогибается под хозяина, проявляя его же черты. Это вызывает отвращение. Женщины любят стержень. Не только твой могучий болт. Им нужен стержень в характере, на который они бы могли с удовольствием сесть, как на твердый член, – и Том ударил левой рукой по локтевому сгибу правой, сжатой в кулак.

– Но мне никогда не стать таким... мужиком что ли...

– А ты играй роль. Это искусство. Бабам нравятся «настоящие мужики». Им, конечно, хотелось бы, чтобы мужик утонченно разбирался в психологии, но тянет ее к грубым понтам. Логикой она все может понять, но рефлекс сильнее логики, потому что они опережают сознание. Сначала чпок, а потом осознание произошедшего. Именно по этой причи-

не, когда парень спрашивает о ее прошлом, они так фрустрируют, объявляя женские секреты чем-то святым.

– Значит, мы должны им постоянно лгать, строя из себя благородного рыцаря? И все это ради того, чтобы получить ее тело? Ты не находишь это низким, Том?

– Ну а женщины разве нам не лгут? – Том внезапно завелся. – Представь, если они нам будут правду матку гнать, типа: «Слушай, чувак, я конечно тоже хочу секса, но платить за это, сука, будет только один из нас, потому что я не желаю чувствовать себя понапрасну трахнутой. После нашей свадьбы я, бля, нарожаю себе детей и заставлю тебя благодарить меня, как будто это нарожала тебе. Постепенно я займу собой весь твой эфир, и ты будешь хотеть только того, чего надо мне. А еще я разжирею, но ты все равно будешь меня содержать, даже тогда, когда твой хер будет морщиться в гармошку при виде моей задницы, превратившейся в холодец». Но вместо этого она говорит, что было бы неплохо попить вина в каком-нибудь красивом месте. И ты все осознаешь, даже когда под словом «романтик» подразумевается анал. Только, вот, кто кого? В жопу она не даст. Нет, конечно, мысленно потирать руки от предвкушения анала вы будете оба. Но только каждый под этим будет понимать свое, и в результате поймет тебя туда только она при помощи брака, говоря, что даст в пукан только своему мужу... А через несколько лет добавит, что имела в виду лучшего мужа. Как тебе такая правда?

– Но ведь должно же быть что-то. Всю историю человечества люди пишут о чувствах друг к другу. Даже пульт как-то ведь заставит ее полюбить меня. – Сказал Макс. Однако, слова Тома заставили его вспомнить о том, что он все еще никак не решался заняться с Катей аналом, считая это чем-то слишком извращенным.

– Наркоманы тоже любят боготворить свои переживания. Весь интернет засрала «откровениями от Торчкоана». Так же и любовь всякие мудаки вознесли. О любви больше всего любят трендеть те, кто либо на грани развода, либо у него хроническая непруха в личной жизни. – Том энергично затушил сигарету и, сложив руки замком перед собой, уставился на них. Минуту они с Максом молчали.

– Но я хочу быть самим собой рядом с ней, а не строить из себя вечно неизвестно кого... – нарушил молчание Макс.

– В каждом времени, в каждом месте и в каждой ситуации есть свои герои для женщины. Где-то это гора мышц с мечом, а где-то это мозг. Часто можно слышать: «Она его полюбила за ум. Умеет ценить». Херня все это! Она выбрала альфа самца конкретно в данной ситуации. А тебе в твоей ситуации следует лишь использовать пульт и проявить минимум воли. И я бы не стал употреблять аморфный термин любовь, когда мы говорим о пульте. Скорее, это будет сильная и полная эмоциональная привязанность по отношению к тебе.

– Ты говорил, что задействование этой функции носит

необратимый характер... Ты сказал «почти» необратимый и упомянул о каких-то последствиях, если отменить команду. Что ты имел ввиду? – Макс настороженно посмотрел на Тома.

Тот покрутил в руках пустую пачку из-под Marlboro, смял ее, небрежно бросил в урну, а затем, помедлив, сказал:

– Когда... Если тебе действительно понадобится сделать так, чтобы ее эмоциональная привязанность завершилась, я тебе все расскажу... А сейчас не заморачивайся.

* * *

Макс сидел на подоконнике и курил, выпуская дым в полуоткрытое окно. Вечер был теплый. Даже чересчур теплый. На кровати-полуторке, сбросив одеяло на пол, спала совершенно голая Катя. Макс посмотрел на нее, вспоминая, что еще совсем недавно он мог только мечтать о таком. Затем он перевел взгляд на лежащий рядом с ним на подоконнике пульт, который служил напоминанием о том, что без него он всего лишь рядовой омега. Омега, который, как и миллионы таких же, как он других, вместо реального секса до сих пор всегда довольствовался лишь своим развитым воображением и, впечатлившись какой-нибудь красивой девушкой в метро, позже перед сном кончал в судорогах в свою простыню.

Макс уяснил для себя, что преимущество пульта состоит еще и в том, что девушка уже никогда не достанется никому

другому, кроме обладателя этого самого пульта. Но он опасался, что с Кати сойдет наваждение по окончании эксперимента, когда у него заберут пульт. Она даже как-то раз сказала ему, что когда они не вместе, то не понимает, что она в нем нашла. Но когда снова видит Макса, ей просто «сносит башню» от желания, и тогда она уже не может контролировать себя. «Это тот случай, когда в необратимых операциях есть свои плюсы, – подумалось Максиму на языке программиста. – Когда человек влюблен в тебя, то не нужен никакой пульт. Природа сыграла злую шутку, даруя природный пульт тому, в кого влюблены без ответа и без остатка. И когда-то я прочувствовал это на самом себе. Пришло время расплаты». Он нажал на появившуюся красивую кнопку на пульте, и тот по-привычному тихо завибрировал у него в руке. Катя застонала и заворочалась во сне. Макс погладил ее по голове, и через минуту она снова спала с детской безмятежной улыбкой на лице. Последний уровень этой игры был достигнут. Но его еще предстояло пройти...

13. Сиськи – это хорошо, но...

– Смотри, что я для тебя купила. – Катя вошла в комнату в черной шелковой ночнушке. Выйдя на середину комнаты, она грациозно крутанулась, наполняя комнату ароматом свежесмытых волос.

– Круто, – глянул на нее Макс и уже через секунду снова что-то читал, сидя в кресле в одних трусах и уставившись в свой планшет.

– Тебе не понравилось? – Катя села к нему на колени, обвив его шею. Тепло ее нежных и упругих ягодиц без трусиков вызвало лишь рефлекторную реакцию его члена.

– Понравилось. Кать, я хочу дочитать. Скоро освобожусь уже.

– И мы пошалим? – Она игриво сжала бедра.

– Посмотрим на твое хорошее поведение, – он нежно поцеловал ее в уголок рта и подтолкнул, чтобы она ушла прочь, – брысь отсюда, пошлячка.

Катя хихикнула, но ее лицо выразило задетое самолюбие. Она скрылась в соседней комнате, чтобы через пару минут снова появится на пороге.

– А как тебе такое?

– Вау. Неплохо, – почти без эмоций отреагировал Макс, разглядывая Катю в наряде медсестры.

– Ясно. – Она снова скрылась, потупив взгляд. Еще через десять минут Макс краем глаза уловил, как белые гольфы протопали к середине комнаты. Подняв взгляд, он присвистнул.

– А вот это на самом деле круто! Где ты это достала?

– Там же, на Амазоне. Ну как? – Катя закусил губу, и Макс почему-то ощутил себя старым педофилом, разглядывая ее в японской школьной форме.

– Теперь ты оставишь в покое своего..., – она заглянула в планшет Макса, – Дэвида Юма?

– А ну-ка топай к папочке, извращенка! – Отбросив план-

шет на кровать, он снял с себя плавки и дернул ее к себе. Катя со смехом поддавалась. Еще через секунду он буквально насадил девушку на себя, не вставая с кресла. Глаза Кати округлились в невинном удивлении, от чего к Максy на несколько минут вернулась былая страсть. Закончили они уже на ковре.

– Тебе понравилось? – Она поглаживала Макса по груди, провожая томным взглядом кольца дыма, который тот выпускал в потолок. С тех пор, как она призналась ему в любви, прошел уже месяц.

– А у тебя есть еще один комплект японской школьницы?

– Ага! – Она оживилась, – другой расцветки. Хочешь, надену? Правда, хотела, чтобы это был сюрприз.

– Нет, погоди. У меня другая идея.

* * *

– Ты с ума сошел! Ты вообще за кого меня принимаешь?! Скажи, ты серьезно? Ведь ты сейчас прикалываешься надо мной, верно? – В глазах ее стояли слезы, лицо залило краской.

– Слушай, я же сам видел, как ты поглаживала тогда в кафе, ну... Эту, как ее?.. Яну, во! – Макс щелкнул пальцами, оставив указательный палец на Катю.

– Во-первых, это была Яна, с которой по твоему запрету я больше не общаюсь, а Света мне в «этом» плане может и не нравится.

– Может или не нравится?

– Я не знаю!.. – Губы у Кати задрожали, показывая, что она вот-вот расплачется, – во-вторых, у нас ни с Яной, ни со Светой никогда ничего не было. В-третьих, не все девушки «би», как ты думаешь, и Света может ей не оказаться. Ну а в-четвертых!.. – тут Катя не выдержала, и слезы потекли по щекам рекой, – как ты... Как ты будешь ее?.. При мне?! Ты... да ты просто бездушный подонок!!! – Она выбежала из комнаты, разрыдавшись и даже не хлопнув дверью. Макс потянулся за спрятанным в сумке пультом.

14. ...четыре сиськи – лучше!

– Тебе налить еще чайку, Свет? Катя поднесла чайник к чашке своей красивой подружки, с которой пару месяцев назад гуляла по городу, оставив Маска одного под пошлой вывеской кафе. После случая с Яной, Макс запретил Кате всяческие контакты с блядской, по его словам, подругой. «Лучше пусть будет друг, чем такая подруга», – как он ей сказал. Ведь друг, по его мнению, – это только потенциальный трах, которого может еще и не случиться. Но такая, как Яна подруга – это стопроцентные блядки. Теперь ему оставалось проверить на вшивость Свету, которая еще ничего не подозревая, с удовольствием пила чай и глаголила о том, что творчество Сомерсета Моэма произвело на нее мало впечатления. Она осознавала, что ей далеко от питерской интеллектуальной прослойки, но девушке хоть как-то хотелось показать свое причастие к своему родному городу. А самый надежный

для этого способ – показать, что книги в руках держались. Какое именно произведение не «торкнуло» Свету Макс не стал уточнять. На память ему пришло только то обстоятельство, что, по словам самого Моэма, чем более высокопарно и богемно выражается женщина, тем более она недалекая или откровенно глупая. Светку же Макс определил, как что-то среднее. Стесняясь саму себя, она хоть и пыталась пару раз за вечер показать, как не любит вульгарность и пошлость, но не просила, как Яна, которую Макс считал тупой блядью, не материться при ней. А когда Макс показывал всем какой-то смешной порнографический ролик на телефоне, то она и во-все хихикала, еще не подозревая какие веселые выходные ожидают ее в этой квартире.

– А хорошо, что ты меня пригласила. Я, когда уже в электричку села, мой позвонил. – Светка зачерпнула ложечкой клубничное варенье и маленькая капелька незаметно для нее упала прямо в ложбинку между грудей, заставив яйца Макса загудеть, как высоковольтные провода.

– У тебя появился бойфренд? Ты мне ничего не рассказывала. – Вываливая в конфетницу «ништяки» к чаю, Катя стрельнула взглядом на Макса, который оставался внешне невозмутим.

– Да так... Не то, чтобы уж очень серьезно. Полгода встречаемся. Так вот. Позвонил мне поинтересоваться, где я. Ужасно ревнивый и вечно меня пасет. Ну, я ему пока не сказала, что к тебе поехала...

– А что для вас значит серьезно? Света, просветите. – Макс, улыбнувшись, поставил чашку и пододвинул к себе пепельницу.

– Ой, а можно не курить? Терпеть не могу табачный дым, – упершись глазами в стол, красивая и блондинистая подруга Кати приняла позу «вот-вот обижусь на что-то и займу выгодную стойку».

– Можно, – и Макс закурил сигарету, – но в этом доме курят. Так что такое серьезные отношения? – Он продолжал улыбаться. Светка посмотрела на Катю, но та сделала вид, что очень занята пятном на полотенце.

– Хи-хи... – выскочило из Светки. В темноте на улице собиралась гроза, далеким низким рыком отпугивая любое «фи, как некрасиво, мне, пожалуй, пора». Глянув мельком в окно, Светка уставилась Максиму прямо в глаза, и тот впервые в жизни увидел, что он действительно нравится красивой девушке без помощи какого-либо пульта.

– Seriously – это когда предлагают замуж! – Сказала она.

– Ну, так рано еще. Двадцать первый век на дворе.

– Вот и я о том же! Я свободная женщина. И пока не увижу с его стороны ничего серьезного, считаю, что имею право продолжать знакомиться, – она отпила чай. – Правда, каждый кобель норовит раздобыть твой телефон, чтобы домогаться потом смсками. В нормальных странах за это сажают, между прочим.

– Женщины, которые в каждой смске видят домогатель-

ство, подобны мужчинам, которые в каждом женском оценивающем взгляде видят лишь корысть. Если за смс можно арестовать мужика, как за домогательства, почему нельзя арестовывать женщин за принуждение к браку и ответственности с потерей свободы и обретением обязательств?

– Брак для женщины очень важен. Вам мужчинам этого не понять. Я своего не принуждаю к браку. Он сам должен созреть.

– От женщин только и слышно, что им задолжали мужчины и какие они кобели. А потом выясняется, что у скромной девушки мужиков было больше, чем у ее парня в том же возрасте. – Макс с немым упреком посмотрел на Катю, и та отвела взгляд. Ему даже показалось, что она улыбнулась, как двоечница у доски. И он продолжил свою мысль, уже адресуя ее обеим дамам в его доме:

– Но, несмотря на свой богатый опыт, далеко не каждая знает, как сделать мужика счастливым. Может в этом проблема незамужних?

– Очень смешно, – Света попробовала снисходительно улыбнуться, – вы, Максим, считаете, что я не знаю, как сделать так, чтобы мужчине было со мной хорошо? – Ее не злые, даже добрые голубые глаза посмотрели на Макса. И он понял, что Света говорит правду.

– Значит, я совершенно верно поступал, когда после каждого комплимента в своих смсках признавался в любви Кате и звал ее замуж? Иначе бы меня давно арестовали за домо-

гательства! – Макс улыбнулся, деловито выпуская дым.

– Ха-ха... Везет же некоторым, – Светка посмотрела на улыбающуюся Катю.

– А зачем ты тогда все еще с ним? – спросила Светку та.

– Ну, я, как бы, люблю его. Мы же спим вместе, – обливая чайную ложечку с вареньем, Светка сделала круглые глаза, которые говорили, что у нее секса без любви быть не может. В этот момент в ее сумочке заиграла «о боже, какой мужчина». С деланным выражением на лице «как он меня достал» Светка приложила палец к губам, попросив тишины.

– Да, дорогой! У подружки. У Катьки, я тебе рассказывала о ней. Представь себе. На поезде, естественно. Пойдем ли мы в клуб? Может и пойдем. Хи-хи. Ну, ну... у нас же свободные отношения, милый! Она тебя не слышит, не бойсь, – Светка стрельнула взглядом на Катю, потом на Макса, – а что такое, в чем дело? Мммм... Я тоже тебя люблю и скучаю... Я не буду пить! – закрыв ладонью микрофон телефона, прошептала Светка уже Максу, когда тот выложил на стол три рюмочки. Затем продолжила разговор:

– Приеду завтра. Когда еще не знаю, я тебе напишу. Ладно, солнце, меня Катька зовет... Ага. Целую. И тебе сладких снов. Хорошо, приснюсь. – Закончив говорить, она с уважением посмотрела на бутылку французского коньяка, который Макс аккуратно разливал в рюмочки.

– Ого! От такого, пожалуй, грех отказываться.

– А мы и не позволим вам, Света, ни от чего у нас дома

отказываться, – ответил ей Макс, бросив взгляд на Катю.

– А я и не буду строить из себя аскета, – Светка довольно потерла ладони, смотря на то, как Макс раскладывает кусочки пармезана, – о! Запрет на зону пронесли. Это настоящий или...

– Настоящий. Санкционный. Поэтому вкуснее вдвойне. Ну, девочки, вздрогнем! – Макс поднял рюмку, и через пару секунд компания смаковала то, что их только начало объединять этим вечером – ощущение горячего греха, разливающегося по телу, в то время как на улице все усиливалась душистая гроза.

* * *

– Наденешь потом. Это мой, – войдя в полумрак ванной комнаты, Катя повесила белый халат на стенную вешалку.

– А, это ты... Заходи, – сказала Светка из-за душевой занавески.

– А кого ты ждала?

– Дурочка...

– Давай спинку потру, – Катя отдернула занавеску, за которой под струями воды в ванне стояла Светка.

– Ммм... Прямо, как на даче в детстве. Ну потри.

– Сиськи у тебя уже тогда были не детские.

– Да ладно тебе... По сравнению с тем, что у меня сейчас, я тогда еще даже не родилась, – Светка обернулась и показала из стороны в сторону роскошную грудь.

– Ого! Тебя в детском саду в девяностые одной капустой кормили, мать?

– Как будто до этого ты их не видела...

– Без чехлов не видела. Не болят?

– Болят. Видишь? Даже затяжка на левой, – Светка повернулась так, чтобы свет лучше попадал на нее, и грудь качнулась, как связка из пары глянцевых волейбольных мячей.

– Это не заметно, – Катя провела мыльной рукой по едва виднеющемуся шрамику над левой грудью подруги, – зато твой, полагаю, не жалуется.

– Еще бы! Всем им, мужикам, нужен только секс... Потри между лопаток, пожалуйста, – она протянула мочалку и повернулась спиной.

– Насчет того, что мужикам нужен только секс, сокрушаются те женщины, которые это единственное дать не могут, навязывая взамен ненужное. Это явно не про тебя. Так что не стони. – И Катя по-дружески хлопнула ее по заднице.

– Ай! Пошлячка, – Светка быстро обернулась и ее грудь оказалась в обеих руках Кати, которая, уже скинув с себя халат, стояла голая и смотрела ей в глаза.

– Ты чего?..

– Тсс... – Катя, склонив голову, нежно взяла сосок Светы в рот, как спелую виноградину на ветке. Но тот выскользнул от нее, потому что Света дернулась назад.

– Слушай, Катька... Ты прости меня, но я не... У меня тоже бывают порой мысли, но... Давай не будем этого делать.

Это как-то... стремно.

Уайлд говорил, что единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему. – Катя вошла в ванну, прижав подругу к кафельной плитке.

– Он же вообще был гей, – безо всякого смысла растерянно начала было Света, но ее рот закрыли Катины губы. Уже через полминуты руки Светы жадно сжимали Катины ягодичцы так, как будто она уже давно мечтала это сделать, и вдруг выдался такой шанс. Затем Катя принялась целовать ей шею, освободив тем самым подруге рот от французского поцелуя.

– А как же твой? – мгновенно использовала возможность снова говорить Света.

– Ты права. Сейчас позову... Макс!!!

– Что?!

– Закрой уже рот, дурочка ты моя. Он с нами. – Катя села на корточки и принялась медленно целовать Свету около пупка, закрыв пробкой слив в ванне. Через полминуты, когда и без того неяркая лампа в ванной комнате погасла, в дверь протиснулся Макс, держа в руке свечу в старинном подсвечнике. Он поставил её на полочку перед зеркалом над раковиной.

– Прошу прощения, девочки. Больше халатов в этом доме не было, – сказал он и залез в ванну и улегся таким образом, что девчонки стояли прямо у него между ног. Макс заметил, как зажмурилась, а затем открыла, уставив на него свои изумрудные при свете свечи глаза Светка, которая, наконец-то,

потеряла дар речи и стояла сейчас под струями душа в объятиях Кати.

– Ого! Да мы уже мокренькие. – Стоя за спиной у Светы, Катя аккуратно провела рукой между ног подружки и у той подогнулись колени. Макс поймал её за плечи, а роскошная грудь смягчила удар, когда та не удержалась и упала прямо на него. Он ощутил на своей щеке горячее дыхание Катиной подружки. Еще через мгновение та, видимо решив встать, перевернулась на спину. Но Катя взяла ее за бедра и подтянула вниз. Светка съехала по животу Макса, как с горки, и ее розовое влагалище скрылось под пеной, которая распушилась на набирающейся воде. Катина левая рука проворно юркнула следом, а вторая обхватила Свету под коленкой и притянула еще сильнее на себя, пытаясь насадить подружку на своего парня. В этот момент Максу показалось, что он разглядел некоторое сожаление, ревность и что-то еще похожее на злобу в глазах Кати. Но уже в следующий момент она уверенно и даже немного грубо натянула Свету на твердый, как берлинский леденец член Макса, заставив того забыть обо всем на свете.

– А-а-х! – глаза Светки закатились, а бедра дернулись в легкой конвульсии.

* * *

В полумраке салона повисло дымное облако, освещаемое лишь красным ночником. Огонек косячка передавался, как

факел на эстафете лежачего марафона, состоящего из трех тел, центральное из которых принадлежало Максусу. Идею взорвать косяк выдвинула Светка, которая сослалась на то, что должна все «это» переварить. С ее слов: «вообще-то я не любительница любых наркотиков и даже сигарет» – продолжение вечера было не менее интересным. И теперь, это уже был третий «косячевский» за вечер, мастерски скрученный Светкой из неиссякаемых запасов готовой смеси гашиша с табаком в ее сумочке, потому как переваривать было много чего им всем.

Света оказалась просто неиссякаемым генератором фантазий. Она могла бы с легкостью занять место Шехеризады из тысячи и одной ночи с той лишь разницей, что вместо сказок изобретала бы новые позиции и сюжеты. Всего за пару часов с ее вежливого шепота, начинающегося с: «а давайте попробуем еще вот так...» Макс перепробовал такие позиции, в которых запутался бы сам великий Гуддини. Оказалось вполне возможным одновременно быть членом в одной девушке, при этом погружая свой язык во влагалище другой. Причем, делать куннилингус вдвоем с той, которую имеешь в данный момент. Потом поочередно он входил то в Свету, то в Катю. На нем по очереди прыгали обе девушки при этом смачно целуясь друг с дружкой, когда одна из них сидела на члене, а другая на лице Макса.

Даже самые воспаленные фантазии периода его рукоблудной юности и наполовину не приблизились к тому, что он

попробовал этой ночью. И если бы в тот момент кто-то из «бывалых» ему опять сказал: «послушай, чувак, у меня их было больше, чем волос на твоей жопе, поэтому поверь мне, что все дырки одинаковые и у всех пизда стоит *вот так!*», то Макс бы рассмеялся ему в лицо. Влагалище его Кати было похоже на горячий и сочный персик, а у Светы напоминало сдобную булочку с кленовым сиропом, которая целовала и буквально засасывала в себя все Это Макса во плоти.

Затягиваясь косяком, он мысленно смеялся над теми, кто всерьез мечтает о женитьбе. Жениться ради секса, соглашаться на детей и делать вид, что искренне их хочешь... На память ему пришла недавняя посиделка с другом на природе, который выбрался туда с выводком из четырех детей и с потерявшей ебательность женой. Причем один из детей достался Кольке бонусом уже в довесок к жене, видимо по мероприятию «один плюс один». Много пить ему не позволялось, а любые попытки поговорить с другом каждый раз обрывались на том, что он летел ловить очередного ребенка, забравшегося на дерево или выбегающего на дорогу. Все это происходило под неодобрительные взгляды пахнувшей скисшим молоком кормящей жены, которая сказала Максу, что пора бы и ему уже подумать о будущем. Колька одобрительно ей поддакивал, мол, только в детях и счастье. Но сколько же тоски Макс видел в глазах этого счастливого мужа. Макс вообще заметил, что те, кто попал в жопу, очень любят тянуть в неё за собой других. Взяли ссуду – агитируют. Роди-

лись дети – тоже.

Затем, на память ему пришел Петька, который в их дворе слыл наркоманом целколомом. Славился Петька тем, что к своим двадцати годам перепробовал все наркотики, какие только можно было найти в списках единой конвенции ООН. А также, он лишил девственности столько девчонок, что тяжело было начать встречаться с девушкой и быть уверенным, что в ней еще не побывал Петя. Никаких других целей в жизни у Пети не было. Из школ его выгоняли, а в армию не взяли по причине состояния на учете во всех мыслимых диспансерах. Петя мог бы быть любимым учеником Эпикура в древней Греции, который утверждал, что истинный смысл в жизни – это наслаждения. Мог бы. Но родился не в то время. И умер рано от «чрезмерного счастья». Однако иным не приходится испытать и десятой части всех тех ощущений, которые испытал за свою короткую жизнь Петя. Осуждая и жалея таких, как он, они влачат длинную и занудную жизнь с поездками на дачу, получением благодарственных грамот на работе и обречением на нищенскую пенсию в случае, если доживают до нее.

Петя же за свои двадцать пять лет успел уехать нелегалом в Америку, жениться там на азиатке, изменить ей с негритянкой, развестись, посидеть за что-то в американской тюрьме, наблатыкавшись там говорить на английском и быть депортированным, перед этим мастерски переправив морем нехилые бабки. Посреди мутного двора до сих пор ржавела его

осиротевшая машина. Она стояла, как памятник яркой жизни, какой никогда не будет у тех, кто обречен до конца своих дней входить в один и тот же обоссанный подъезд.

В те дни, когда еще был жив Петя, отдушинами Макса были книжка, компьютерная игра да пульт от телевизора. Что-то не клеилось в разбегающихся мыслях Макса, несмотря на возросшую сейчас тягу пофилософствовать о смысле жизни: «Люди живут ради ощущений. Кто-то их может себе позволить... А кто-то пашет всю жизнь, и заменяет желаемые ощущения своей философией. Петя ставил цели бухать и трахать. И всех своих целей добился, посмеиваясь над неудачниками, которые ради того же самого мечтают стать летчиками или олигархами. После тридцати они становятся мишенью для тех баб, которые нагулявшись, ищут лоха своих детей... Или лоха для своих детей... А Петя уже успел сбить с этих баб самый сок. А порой и с их взрослеющих дочерей. Но самое смешное то, что лохи все прекрасно понимают, но все равно остаются лохами. Потому что голодны до секса, за который им приходится пахать до конца своих дней, как бурлаку за черствый хлеб, при этом мечтая о сдобном каравае. Нет... Мужик не готов к верному браку с одной единственной бабой, если у него до этого не было секса с двумя сразу. – Макс сделал глубокую затяжку и задержал сладковатый дым в легких. Звуки гитары из колонок стали осязаемы. Они вибрировали убаюкивающим блюзом в облачках дыма. Алкалоиды конопли в крови даровали уверенность в

завтрашнем дне, а на обоих его плечах посапывали две красивые мордахи. Макс захотелось выдать что-то очень глупо-бокомысленное и в то же самое время лаконичное.

– Света... Ты звезда минета!

Гроза закончилась. И из просвета между туч на несколько секунд показалась красивая полная луна. Впрочем, Макс уже не был уверен, было ли это на самом деле. Еще через минуту он улетел в царство Морфея вслед за своими подружками.

15. Секс-марафон. И чужой мед бывает сладок

Он проснулся от того, что кто-то вытирал его член влажными салфетками. Ощущения были феерическими, и через мгновение они стали еще ярче, когда чей-то рот с горячим языком, бегающим по его уздечке, буквально проглотил Макса целиком. Он перевел томный взгляд на потолок, к которому был приклеен альбомный лист с надписью: «догадаешься кто, разрешу в попу». Оставшийся со вчерашнего вечера дурман все еще отделял сознание от происходящего легкой ширмой нереальности ощущений. Тем не менее, Макс быстро восстановил события последнего вечера и сделал вывод, что так глубоко и мастерски брать в рот мог только один человек в этом доме.

– Светка! – Он нежно погладил голову девушки под одеялом. И тотчас же почувствовал, как движения головы прекратились, а приятные ощущения сменились на легкий, но пугающий прикус зубами в самом корне его члена.

– Хватит! Мне больно, ты что?!

Охват зубами ослаб и из-под одеяла к нему выползла злая Катя.

– Ты бы Светку тоже так нежно гладил по голове? – Она щелкнула зубами и, сверкнув глазами, ушла в ванную приводить себя в порядок. Макс улыбнулся, потягиваясь на разложенных во весь пол матрасах с диванными подушками.

– А меня туда хочешь? – Слева от изумленного Макса откопалась откуда-то из простыней Светка и уставилась на лист бумаги прикрепленного на потолке. Он с опаской оглянулся на дверь в ванную.

– Ясно... без разрешения хозяйки нельзя, – вздохнув, она потянулась к сумочке, чтобы скрутить утренний косяк и предоставила Максиму лицезреть в дневном свете свое идеальное тело, отточенное годами рейв марафонов и, по-видимому, немалым количеством MDMA. Оно не было худосочным, но не было и пышным. Это было идеальное спортивное тело. И там было за что приятно подержаться. У Кати тоже была превосходная фигурка. Очень женственная. Однако, она не была спортивной. У Кати было тело модели нижнего белья. Светка же походила на фигуристку или на художественную гимнастку. И сейчас впервые Макс поймал себя на мысли, что сравнивает эти тела между собой. Каждая женщина при желании и средствах может красиво одеться. Но далеко не каждая способна красиво раздеться. Катя красивее выглядела в нижнем белье, чем совсем без него. Светка же в глазах Макса являла собой просто эталон женского

тела. И ни один модельер в мире не смог бы одеть ее так, чтобы она выглядела более совершенно, чем она выглядела сейчас – абсолютно голой, небрежно вытянувшейся на животе, чтобы скрутить сигаретку. И даже красивый золотой медальон у нее на шее был лишним.

* * *

Пока Макс заваривал чай Светка и Катя в одних одно-разовых фартуках и резиновых сандалиях жарили яичницу с колбасками на двух сковородках. Он нашел в интернете какую-то задорную радиостанцию и под шлягер «давай подвигай попой» не из таких уж далеких девяностых завтрак приготовился быстро и весело. После завтрака, они втроем, как дружная семья снова улеглись в кровать, чтобы до обеда посмотреть на айпаде смешные видео.

Подкрепившись жареной картошкой с грибами и ветчиной на обед, они отрубались, чтобы хорошенько поспать. Максусу приснилась какая-то чеховская идиллия, будто он в своем поместье в глуши, где служанка Света созывала всех на чай с баранками. Краем своего сознания он понимал, что это всего лишь сон, и поэтому ему совсем не хотелось, чтобы тот заканчивался. Однако, когда его разбудили две японские школьницы, он увидел, что и реальность бывает более приятельной, чем самая сладострастная дрема.

– Мы плохо себя вели, господин Хуемото. – Катя в очках покорно опустила голову, и Макс еле сдержал себя, чтобы не

рассмеяться.

– Но всю тяжесть наказания готова снести только одна из нас, дабы спасти свою подругу. – Светка протянула Максу силиконовую плетку, и он почувствовал, как его член наливается кровью.

– Вам решать, кто поплатится своей попкой. – Катя протянула Максу лубрикант. Конечно же, он давно мечтал поиметь её туда. Но так как подобного опыта у него не было, он так до сих пор и не решился попробовать её туда, несмотря на то, что мог делать с ней все, что хотел и когда хотел. И сейчас Светкина более опытная попка была как нельзя кстати. Но главное, что со Светкой такой возможности могло больше и не представится. Однако, после утренних зубов Кати, с его стороны было бы не разумно высказывать подобные соображения вслух. Поэтому он предложил вытянуть жребий, надеясь, что выбор падет все-таки на Свету. И – о чудо! Бумажка с надписью «шоколадный глаз» действительно попала Светке. Та сделала грустную гримасу, но глаза ее выдали озорное блядское сияние. И для Макса стал настоящим открытием тот факт, что «этим» удобнее заниматься не сзади, как в дешевом порно, а спереди, только в другое отверстие. Все действие Макс еле сдерживал себя, чтобы не поцеловать, прикованную наручниками к батарее Светку в губы. Передник японской школьницы был задран почти до груди, а чулки собрались складками. Сейчас она казалась ему такой растерянной и непорочной. И это несмотря на то, что

его член был внутри «не с той» стороны, что еще хуже сочеталось с непорочностью. Казалось, она чувствовала каждый нерв в члене Макса, двигаясь в нужном ритме и направлениях. Лицо её выражало нечто среднее между страданием и наслаждением. Тихие прерывистые вдохи и выдохи. Наконец её пальцы впились ему в плечи, а все её тело сотрясло мелкой дрожью. На несколько секунд он поймал Светкин взгляд, полный какой-то непонятной ему надежды, а дальше его живот обдало горячей струей сока из ее влагалища. Макс тут же кончил в нее, как из ружья, почти со звуком, и, почувствовав это, она последовала за ним в легких спазмах брюшных мышц, свидетельствующих о повторном оргазме.

После того, как откатившись на спину, он переварил полученный кайф, взгляд его упал на Катю, которая вдруг подошла к прикованной Светке и села на колени перед ее лицом, задрав свой передник. Затем она встала и поставила правую ногу на батарею сверху.

– А теперь, сучка, давай доведи меня! – Сказала она играючи. И вымотанная Светка без лишних слов принялась за дело, осознав, что это уже не совсем игра, а скорее расплата.

Тем же вечером изнеможенный Макс проснулся прикованным к кровати-полutorке. Перед ним предстала строгая учительница в исполнении Светки и покорная ученица Катя. Катю «жестко» принудили доставлять удовольствие двоичнику Максиму, закованному в кандалы по рукам и ногам. И хоть кандалы были всего лишь наручниками с пушисты-

ми розовыми кольцами, ему стало реально не по себе, когда Светка поддела его яйца здоровенным мясницким ножом и заставила Катю драть ему, поставив ультиматум: либо Макс через три минуты кончает на лицо Кате, либо она забирет его яйца себе на серьги.

Затем он воплотил свои школьные желания, когда его изнасиловала учительница по русскому, кем в реале Светка так и не стала, будучи отчисленной уже с первого курса. Учительница оказалась настолько строгой, что, разорвав одежду на отличнице Кате, трахнула одновременно их обоих за то, что те шумно себя вели на задней парте. Закончив, она облизала пальцы и сказала Кате, что в следующий раз она делает это указкой и гораздо глубже.

На ужин Катя со Светкой вновь в качестве подружек напекли блинчиков. Затем, он и Катя, хохоча, положили Светку на стол, измазали её клубничным сиропом и слизывали его с нее, поедая блины. Но и Кате потом досталось, когда её голую обсыпали мукой и обваляли в остатках теста тоже прямо на столе, где Макс ее и трахнул. Казалось, у него уже должна была элементарно закончиться сперма от такого марафона, но вид Катиных «сисек в тесте» заставил его позабыть об угасании страсти к этой девушке.

Засыпая уже во вторую ночь в обществе своего гарема, Макс все еще не мог поверить в реальность происходящего. Ему казалось, он сорвал джекпот и мог теперь делать все, что только пожелает. Однако даже, когда все спали, он не смел

поцеловать Свету в ее чувственные губы. Макс погладил ее по волосам, и та, улыбнувшись уголками рта, свернулась калачиком, обняв Катю вместо плюшевого мишки. Смотри на неё, он с грустью осознал, что ситуацию с двумя любовницами завтра утром придется как-то разрулить.

* * *

– Уже уходишь? А кофе? – Макс покрутил в воздухе джезвой, привезенной ему из Турции кем он уже не помнил.

– Не откажусь, – Светка избегала смотреть ему в глаза.

– И что ты теперь скажешь своему? – Макс зажег газ, и шарил на полке в поисках кофе, пока Катя принимала душ.

– Ничего я ему не скажу. Не в первой. Ну... не так, конечно, но... Да и вообще, он чересчур ревнивый, – Светка обезоруживающе улынулась своей голливудской улыбкой.

– Неужели? С чего бы это?

– Вот и я о том же! – Ещё не выветрившийся кумар в её голове не давал ей распознать сарказм в вопросе Макса, – вечные расспросы: «было, не было?» Ну даже если и было, у него нет права мне предъявлять, потому что он об этом никогда не узнает, а доказать он ничего не может. Пусть вообще спасибо скажет, что я еще с ним. Я как-то раз намекнула, что хочу расстаться, так он на коленях стоял.

– Ты изменила ему. Это факт. Совершая жестокость, женщина, как правило, верит, что имеет на это право. Она разделяет концепты и выдумывает истории, чтобы обмануть се-

бя, оправдать и дальше верить, какое добро она творит, даже если отрезает кому-то башку. – Макс засыпал кофе в джезву.

– Да как... Как ты можешь быть таким циничным! Да еще и после... – Светка запнулась, губы у нее задрожали и она расплакалась.

– После чего? После нашего с тобой поэтического времяпрепровождения или после твоей подлой измены своему парню? – Макс очень хотелось задеть ее побольнее. Этот порыв был сродни тому, который испытывают в младших классах дети, когда дергают понравившуюся девочку за косы.

– Все не так, – Светка тихо рыдала. Но изредка посматривала на Макса с надеждой, что тот одумается и возьмет свои слова назад. Казалось, она действительно не могла взять в толк, почему Макс наезжает на нее, да и еще после всего хорошего, что произошло за эти два выходных. Затем она добавила:

– Если происходит измена, значит, на это имеются причины... И следует еще разобраться, кто виноват в том, что произошло! – навзрыд лепетала Светка.

– Если баба изменила, то уже не важно, кто там виноват. Идет такая баба нахуй, – хладнокровно перебил её Макс.

– Но почему?... – заскулила она и заплакала еще сильнее.

– Когда он узнает, что ты ему изменяешь, он отпустит тебя безо всяких его стояний на коленях. Еще и пинка даст. И правильно сделает.

– Если женщина захочет, она всегда может сделать так,

что мужчина никогда ни о чем не догадается, – Светка вдруг резко перестала плакать и вытерла слезы, видимо, решив, что пока правда не раскрыта – это не правда.

– Да ну?! Сексом занимаются вдвоем, как правило. Или даже втроем... А если секрет знает больше, чем один человек, то...

– Да пофиг... – минуту, молча, Светка водила пальцем по изображениям жар-птиц на клеенке, – не рассказывай никому, ладно? – она тихонько шмыгнула носом.

– Мне это ни к чему, не беспокойся, – сказал Макс и подумал, что если бы и решил кому-нибудь обо всем рассказать, то ему бы все равно никто не поверил, списав все на нереализованные фантазии компьютерного мальчика.

Из душа вышла Катя. И Света, вдоволь наслушавшись от Макса лишнюю для ее ушей правду о своем поступке, со слезами на глазах принялась выпрашивать у подруги средства на поддержание иллюзии о своей непогрешимости. Скушав порцию «ты имеешь на это полное право, а твой не должен был быть таким мудаком», она почувствовала себя немного лучше. Однако, гашиш у нее закончился еще вчера. И теперь на Светку навалилась реальность, в которой она не привыкла жить.

«Мразь, – думал Макс, – но красивая мразь. И это правда.» – Смотря на Светку, Макс осознал, что не существует никакой справедливости в этой жизни. Даже во вконтакте ему было приятно общаться с красивыми одноклассницами.

Страшных он всегда игнорировал. А они писали на стенах своих страниц что-то типа: «главное не внешность, а... что-то там», прекрасно понимая, что главное – она самая. Красота и верность – качества, редко уживающиеся в одном теле.

«Внешность – это не упаковка. Это ценное содержимое. Начинка, на которую есть спрос и которую хочется трахнуть. Это такая же правда, как и то, что большой член имеет решающее значение. А выражение: «маленький хуек в пизде королек» придумали те, кого природа обделив, заставляет вертеться по жизни в десять раз быстрее ее любимчиков, – размышляя таким образом, Макс возненавидел природу, которая, хоть и не обделила его размерами члена, но не снабдила достаточным количеством тестостерона и харизмой Мэтью МакКонахи, чтобы считать самого себя альфой.

Кофе немного подняло настроение всем, включая Светку. И, попрощавшись со всеми, как будто забегала только на чай с вареньем, она ускакала.

– Больше ты с ней не общаешься.

– Да, Максим. Я поняла.

III. Все имеет свою цену

16. Цена дезактивации

В течение следующих двух месяцев Катя поочередно вежливо или грубо отшивала каждого «просто друга», который решал ей позвонить «просто поболтать». Она аргументировала это тем, что у нее есть парень, а ему это не нравится. В категорию забаненных не попал только тенор гей, с которым

Макс видел Катю у консерватории в тот день, когда начал использовать пульт. Для подружек и вечерних телефонных болтушек Катин номер перестал существовать при помощи настроек фильтра входящих звонков.

Одевалась Катя теперь более скромно. На самом деле Максу нравилось осознавать, что его девушку все хотят, облизываются, но она никому не дает, кроме него. Однако каждый раз, когда они ходили в какой-нибудь ночной клуб, не обходилось без того, чтобы её не пытались угостить или пригласить на танец порой очень респектабельно выглядевшие мужчины. Макса постоянно это напрягало, несмотря на то, что она отшивала их всех, при этом верным взглядом косясь на него, тихо сидящего где-нибудь за столиком на диване. Как правило, отшивая кого-либо, Катя говорила, что ее не интересуют ни деньги, ни типаж, который в обществе принято считать крутым мужиком. Как-то раз один из обиженных Катей парней спросил ее, какие же качества она ценит в мужчинах. В ответ она описала нечто такое, что даже хасид назвал бы полнейшим задротством. Это покорило Макса, который за всем этим тихонечко наблюдал со стороны. Однако, выражение недоумения в глазах обиженных Катей мужиков его забавляло. Забавляло это его до тех пор, пока однажды один из таких кадров не подсел к нему, сильно ткнув в бок.

– Слышь, шлёщик. Отпусти девушку на вечер, будь другом.

Краска залила лицо Макса, возвращая его в годы школьных унижений на переменах. Но тут как раз подросла Катя. Она села прямо на колени нежданному наглецу и обвила его шею левой рукой.

– Слушай меня, заблудший баран, тебе стрессов в жизни не хватает? – Говоря это, она достаточно сильно прильнула лбом ко лбу парня так, что послышался гулкий стук. – Не нужны тебе лишние переживания. Поверь мне, – и Катя легонько щелкнула наглеца пластиковой ложечкой по носу, смотря ему прямо в глаза так, как тигрица смотрит на дикого козла. Она резко встала, и тот поспешил ретироваться, озираясь в полном недоумении.

То, что произошло, никак не укладывалось в модель поведения нежной девушки. После этого случая Макс перебрал все меню в пульте, полагая, что возможно случайно активировал какую-то странную функцию. Но ничего подобного он не нашел. Тогда он решил отнести произошедшее на счет большого количества алкоголя, которое она выпила. Тогда Макс еще и предположить не мог, что Катя вовсе не блефовала. Но как бы там ни было, после этого случая в клубы они больше не ходили.

* * *

С тех пор как Макс влюбил в себя Катю при помощи пульта, та восхищалась им во всем. Теперь она любила те же фильмы, что и он. Завернувшись в плед перед телевизором

в дождливые вечера, она читала рекомендованные им книги. Она полюбила его компьютерные игры, была в восторге от тех же философов, что и он, она пропиталась такими же жизненными идеалами. Любой, даже самый незначительный перепад его настроения она улавливала на лету: «У тебя появилась другая? Тебе не понравился ужин? Что-то не так с моим платьем?» Катя восторгалась всеми высказанными мыслями Макса, смеялась над каждой его шуткой, лелеяла каждый его пук в буквальном смысле. Она заливисто смеялась, когда он делал пистолет из пальца и рыгал. И Макса все чаще посещала мысль, что он видит в Кате себя самого.

Все сексуальные фантазии Макса давно были воплощены в реальность. Даже «неделя устных упражнений» была теперь переименована в «неделю задницы». В постели Катя, как всегда, выкладывалась по полной. Однако его это уже не будоражило, как раньше. Если прежде каждое случайное прикосновение Катиной руки казалось ему не чем иным, как касанием самой богини Иштар, то сейчас его поэтическое воображение было полностью вытеснено прозаической реальностью. И вместо ощущения былого огня, он стал замечать странное и новое для себя чувство, прежде никогда не испытываемое им по отношению к красивой девушке.

Чем больше Катя привязывалась к нему, тем меньше ему теперь требовался пульт, чтобы управлять ей. И, в конце концов, у пульта осталась лишь одна функция: когда ему надоела ее вечные потакания и согласие буквально во всем,

он при помощи пульта искусственно устраивал скандалы. Но и эти скандалы проходили тоже по запрограммированному сценарию. Поэтому и в этом цирке он также чувствовал проявление самого себя, где уже ничего не оставалось от Кати. Что-то исчезло из Кати. Что-то, что он любил прежде. Порой, ему казалось, что исчезла она сама, оставив вместо себя, лишь оболочку. И, засыпая, Макс все реже говорил ей в ответ, потерявшее всякий смысл: «Я тоже люблю тебя».

* * *

В конце сентября позвонил Том и попросил встретиться.

– Ну? Какие планы у тебя дальше? – спросил тот, после того, как они по старой традиции пропустили по рюмочке в баре.

– Насчет Кати или вообще? – Осведомился Макс.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Прежде, чем ответить Макс минуты две молчал, куря сигарету и рассматривая бутылки с выпивкой на полках бара.

– Я сам не знаю, дружище. Может мне девушку поменять?

– Чо?! – Том поперхнулся выпивкой и закашлялся.

– Продолжим эксперимент с другой... Что скажешь?

– А не быстро ли вы хуеете, сударь?!

– Ладно... Тогда пока что оставляю все как есть. Можешь доложить своему начальству, что клиент доволен. Изделие работает, как надо. Я только бумаг никаких не подписывал. Поэтому заплачу столько, сколько сам решу нужным, – он

виновато поджал губы, – слушай, я понимаю, что обязан большим, но...

– Понимаешь чувак, она-то к тебе теперь эмоционально привязана. А ты к ней?

– Я? – Макс осекся, – да, я ее тоже люблю, – он быстро отвел глаза и уставился в дно пивного бокала, допивая последний глоток.

– Люди, которые не любят себя, не способны любить других. – Том слизал соль с руки и выпил текилу, закусив лаймом. – Они называют любовью свои сопли и страдания по недостижимому, ненавидя в себе лузера, – он зло посмотрел Максу в глаза.

– Но почему ты сразу решил, что я себя не люблю? – Макс услышал только первое предложение, которое теперь крепко и глубоко засело ему в мозг.

– Да потому что любовь для таких, как ты – это лишь индульгенция от обвинений в элементарной слабости. Свою слабость вы отождествляете с чем-то благородным. С той же любовью, например. И вину за свои поступки тоже скидываете на любовь. Это же так удобно – перекладывать ответственность на что-то внешнее. Слабак и на коленках ползаешь? Нет. Это я, мол, люблю ее так. Захотел изменить ей? Это все любовь к другой теперь виновата. Не в чем, типа, винить. – Том повторил ритуал с текилой, явно чувствуя большое удовольствие от этого процесса. Затем он продолжил:

– Ну, а ежели приелся человек, то все можно объяснить

тем, что эта самая любовь у них теперь прошла.

– О... Вот ты к чему! Кто бы теперь читал мораль?! Человек, который сам не знает, что такое любовь и не верит в нее!

– Да, я действительно не берусь, в отличие от прочих, утверждать, что знаю, что такое любовь. Но я точно знаю, чем она не является – той лажей, что сейчас происходит у вас, а также тем, что ты делаешь из Кати. Ты прекрасно знал, что последняя функция необратима. И теперь ты собираешься так просто свалить?

– Может быть, ты теперь начнешь мне рассказывать о ценностях брака? – Макс ухмыльнулся, поднося стаканчик ко рту. С их последней встречи он сильно изменился, чем теперь сильно раздражал Тома.

– Я никогда тебя не агитировал за брак... – Том как-то настороженно посмотрел на него, а затем очень аккуратно продолжил, – но я никогда и не отговаривал тебя от него... Я лишь хотел, чтобы ты не был таким сопливым слюнтяем. Но... разве не этого ты все время сам хотел? Ты же хотел жениться на ней, создать семью... – Последнее больше прозвучало как вопрос, нежели как утверждение.

– Как писал Эразм Роттердамский, если ты когда-то о таком слышал: «Без глупости мы бы все вымерли. Ведь только по глупости можно вступить в брак». Хотя, где ты мог о нем слышать. – Макс высокомерно посмотрел на Тома и выпустил дым вверх.

– В человеке нас привлекает его внутренний стержень...

– Ты мне уже это говорил, – перебил его Макс и с довольным видом подержался за свой член.

– Личность человека опирается на этот стержень. И сотри пошлую ухмылку со своего ебла. На этот таз я не о тебе беспокоюсь. – Том затушил сигарету, – ты можешь раздавить Катю, почувствовав власть. Раскрошить ее личность. Вот чего я опасуюсь.

– Ты знаешь, Том... – он посмотрел на тлеющий огонек своей сигареты, – не так уж и плохо быть мачо. Мне нравится.

– Ты знаешь Макс... Знаешь, что еще говорил Эразм Роттердамский?

– А ну, удиви! – Макс насмешливо поднял брови.

– Hoeveel beter is hij er aan toe die in gelukkige onwetendheid leeft, dan wie door jaloerse achterdochtigheid zijn leven bederft en van iedere kleinigheid een tragedie maakt! Представляешь, я когда-то изучал философию в Оксфорде... пока не выперли за чрезмерную приверженность гедонизму в виде возлияний бухла и практикования ебли.

– У-у-у!.. Ну-ну... Как-то у тебя не очень с английским произношением для бывшего студента Оксфорда. Может, тебя за это выперли, а? Ничего не понял, что ты сказал. – Макс хохотнул, но весь как-то заерзал и покраснел.

– Это нидерландский. В переводе означает – «Высшее счастье то, которое покоится на обмане, ибо так живется лучше: легче быть королем в собственном воображении, чем на са-

мом деле». Это из книги «Похвальное слово глупости». Написана в тысяча пятьсот девятом. Издана в Париже в тысяча пятьсот одиннадцатом. Я держал в руках оригинал. Мой дядя имеет свой магазинчик антикварных книг под Амстердамом. Я у него жил с четырнадцати лет и ходил там в школу.

– И вы с дядей накуривались, а потом философствовали. Со шмали началась твоя тяга к знаниям, на ней, видимо, и закончилась. Ха-ха! – Макса корежило от злости и когнитивного диссонанса.

– В жизни не употреблял никаких наркотиков... Кроме кофеина, алкоголя и никотина. – Том допил свой стакан и, поставив его на барную стойку, двинулся к выходу.

– Том! – Окликнул его Макс, когда тот уже взялся за круглую ручку двери, – ты говорил, что функция почти необратима... Пришло время спросить тебя, как сделать так, чтобы она меня разлюбила.

– Тебе надо будет рассказать ей все о пульте, – сказал Том, остановившись в вполоборота, – в этом случае, как сказал бы Гарри Поттер: «Чары будут сняты».

– И почему же функция только почти необратима? Какова цена?

– Не цена. А побочный эффект. Она возненавидит тебя. В случае если ты все эй расскажешь, она до конца своих дней будет испытывать к тебе острую неприязнь вплоть до тошноты. И это уже абсолютно необратимо, – отсалютовав Макс, он ушел.

* * *

Шли недели, и он стал проявлять все большую грубость по отношению к Кате на пустом месте. Она все чаще молчала, боясь попасть в опалу. В ответ на обидные слова, она тихо, как маленькая девочка, пускала слезы, сидя в кресле и делая вид, что читает. Несколько раз она объявляла изобретенную ими когда-то «минутку нежности», но в ответ она получала лишь презрительную отмашку рукой. Макс же все больше убеждался, что теперь понимает значение термина «синдром рабовладельца», когда неограниченная власть над кем-либо сводит с ума. В детстве, выбегая во двор, он с удовольствием мог обоссать чей-то слеplенный снеговик, пока никто этого не видит. И делал он это лишь потому, что просто мог это сделать. Макс не умел лепить снеговиков. Поэтому всю свою «творческую» энергию тратил на разрушение снежных фигурок. Сейчас он не был в состоянии сделать Катю счастливой. И ему все больше хотелось унижить ее еще и потому, что факт ее несчастья лишь напоминал ему об его социальной импотенции. Как раз в то время Максy предложили работу в зарубежной компании. Зарабатывать он стал гораздо больше. Начали оставаться деньги с зарплаты. Мечты сбывались, а удовлетворение жизнью так и не приходило.

Макс отыгрывался на Кате за все свои обиды и неудачи. Поначалу он считал, что, отыгравшись, это у него пройдет, и он снова обретет по отношению к ней те нежные чувства,

что были у него изначально. Но время шло, и становилось только хуже.

Когда-то чувство собственности одержало полную победу над его благоразумием. И теперь он не знал, что делать дальше. Единственный способ отпустить Катю состоял теперь в том, чтобы избавить ее от себя пусть не эмоционально, но, по крайней мере, физически.

Макс докурил сигарету, провожая угловатые полоски дыма в их небытие. «Было бы здорово, если и наши чувства со временем также растворялись, не причиняя никому страданий. – Мысли о волшебной таблетке, избавляющей от любовных переживаний, напомнили ему о Боре, который давным-давно, уже в прошлой жизни, дал ему визитку фирмы. – Интересно, он еще со своей той бабой?» – Подумал Макс и посмотрел на спящую Катю. Среди ее сонного лепета Макс разобрал лишь два слова, от которых по его спине побежали мурашки своими мертвыми холодными ножками: «не раскроши».

* * *

Вечером следующего дня в пятницу, придя с работы и увидев на столе праздничный ужин со свечами, Макс, еще не сняв ботинки, сказал:

– Тебе нужно отдохнуть.

– Мы сегодня здорово отдохнем вместе! – Катя сделала шаг навстречу, чтобы обнять его, но он отступил назад, вы-

ставив руку ладонью к ней.

– Нет. Лучше всего ты отдохнешь у себя дома. Одевайся, складывай вещи и уходи.

Минуту она стояла, застыв в черной шелковой ночнушке. И когда Макс уже подумал, что она каким-то чудом отключилась, как робот, Катя выронила из руки бокал и подошла к нему. Затем она медленно опустилась на колени, взяла его за руку и посмотрела ему в глаза. Она плотно сжала губы, чтобы не заплакать, но голос выдал ее.

– Не надо, Максим. Не поступай так. Пожалуйста. Я же живая.

17. Цена безграничной власти

Он стоял на крыше строящейся элитной высотки, выпуская сигаретный дым в звездное ноябрьское небо, еще не успевшее пропасть за надвигающейся грозой. Далеко внизу гудел мерцающий в огнях город. И уже после двух затяжек небольшого косячка, который он притащил с собой, Макса опять потянуло на философию. Он делал вид, что не обращает никакого внимания на Катю, которая пришла сюда вместе с ним и теперь стояла рядом, поглаживая его плечо, и периодически заискивающе поглядывала на него, как верное домашнее животное.

Покуривал он редко. Раз в полгода на посиделках с друзьями какой-нибудь кайфо датель и траво обладатель доставал пакет из кармана и забивал каждому без обмана, точь-в-точь, как в старой известной песенке. Но каждый такой раз,

когда он баловал свой мозг, то, как будто открывалась потаенная комната в стиле Викторианской эпохи, где за столом у камина сидели его мысли и неторопливо играли в бридж. Вот и на этот раз постоянные посетители комнаты приняли его так, как будто он совсем недавно оттуда вышел, хотя последний раз он заходил туда еще летом во время приключений со Светкой.

Мысли безлико уставились на него. Заходи, мол, Макс. Поговорим за жизнь. Не зря же ты к нам снова заглянул. Максу показалось, что мысли насмеваются над ним, плохо скрывая свой сарказм. Он почувствовал себя неловко, и хотел выйти. Но тяжелая дверь медленно закрылась за ним, да так, что выйти назад уже не представлялось никакой возможности. Несмотря на это, он затянулся поглубже еще раз, и легкий дискомфорт исчез. Теперь он почти видел посетителей комнаты воочию.

«Ну что, Максим, теперь ты осознал, чего ты хотел на самом деле? И от этого осознания сейчас тебе так плохо? – Сидящий во главе стола джентльмен с ехидной улыбкой косился на других, которые поддакивали ему. – Он всего лишь хотел быть самим собой рядом со своей женщиной... Ха-ха... Как банально. Миллиарды людей хотят того же. Но мало кто осознает, что такое быть самим собой на самом деле. А по иронии судьбы, представляете, именно нашему Максиму выпала возможность это узнать. И ему, по всей видимости, это не очень-то нравится. Правда? Молчит... Какой же ядреный

гашиш ему продали...»

Затягиваясь косяком еще глубже, Максим не чувствовал пронизывающего его ветра. Его разбегающиеся мысли продолжали свой монолог во множественном лице: «А что ты делать с Катей собираешься? Теперь она к тебе привязана. Не должен ли ты быть в ответе за того, кого приручил? Жениться ты давно передумал. Теперь ты и сам понимаешь, что мужик женится из-за недостатка осознания того факта, что брак – это ловушка. Он летит, как мотылек на пламя свечи, когда инстинкт самосохранения от жара огонька перебивается инстинктом влечения к свету. Теперь тебе необязательно быть кем-то, чтобы трахать баб. Можешь расслабиться, жрать пиццу и пердеть в диван, просматривая любимые вечерние шоу. И тебя все-равно будут любить, даже если ты на всю жизнь останешься средненьким программистом и компьютерным геймером. Ведь именно об этом ты всегда в тайне мечтал, верно? Ты не мечтал всерьез о карьере выдающегося управленца ИТ проектами, не хотел ты быть качком, да и зарабатывать много ты тоже на самом деле никогда не стремился. Все о чем ты желал – это пердеть в диван, пока тобой восхищаются и признают за тобой право хозяина только на том основании, что ты – любимый мужчина в доме. И конкурентов у тебя никаких больше нет. И не будет. Зачем тебе дергаться теперь по жизни в тщетных попытках стать альфа? Все равно ты будешь лишь мимикрирующей под альфа омегой. Заплывай спокойно жиром. Тебе это как раз не

помешает с твоим-то тщедушным телосложением. О мечтах записаться в спортзал забудь. Вот, что значит для тебя быть самим собой рядом с любимым человеком! Но не забывай, что без пульта этого бы ничего не было. И мужчине, и себе самой женщина может простить все, кроме одного... Единственного, что женщина никогда не простит ни себе, ни мужику – это того факта, что она трахается с неудачником». – Среди посетителей комнаты пробежал приглушенный смех. Через весь стол с другого края ему кричал мужичок в старом английском костюме: «А, может быть, тебя все еще мучает совесть, что пульт, мол, это насилие над чей-то волей или изнасилование вообще? Расслабься. Раньше изнасилованием считалось съедение после секса, а удар дубинкой по голове приравнивался к брачному ухаживанию с предсвадебным похищением. Сегодня же, оказывается, многие женщины даже не подозревают, что их изнасиловали, и армия социальных работников проводят с ними разъяснительные беседы, после чего они становятся богаче, или же обидчик сидит в тюрьге. Интересная корреляция в обществе: чем выше денежная компенсация за изнасилование, тем больше, вдруг, изнасилований. Не знала женщина, что когда муж не дает денег – это финансовое насилие. Теперь знает. Еще через двадцать лет к изнасилованию приравнивают обычное ухаживание, дарение цветов, приглашение в кино и поход в ресторан с последующим сексом или даже без него. А как же! Это ведь насилие над женской натурой, которая падка на подар-

ки, мать ее так! Впрочем, Максимка, денег у тебя все равно нет. И не будет. Но даже не в этом дело. В современном мире из женщин делают мужиков, а из мужиков женщин. И лоббируют эти законы какие-нибудь полуженщины похожие на седую манду, в которых член не бывал уже лет сорок, или вообще никогда! Вот тебе и инфляция нравов, Максим. И эта зараза распространяется по всему миру, как пандемия. А пульт – это тайное возрождение гендерного доминирования мужчины, как ответная реакция на все это. Правильно ли это? Чува-а-ак... Такие красавицы, как Катя, используют свою внешность, чтобы продинамить таких, как ты. А такие, как ты, всю жизнь корячатся ради статуса «настоящего мужчины» в глазах таких, как эта твоя сука. Вот, что такое настоящее изнасилование, Максим – моральное изнасилование длиною в жизнь!» – последовал одобрительный ропот, и мужичок в старинном костюме продолжил: «Но теперь ты можешь трахнуть любую. Любую, Макс! Тебе надоела Катя? Выбери другую. Позвони Тому. Договорись с ним. Ну же! Ответственность? Да что ты говоришь?! Любит тебя теперь и ты должен быть за это ответственен? Да она ноги об тебя вытирала, когда ты бегал за ней! Знаешь, куда она запихала твою любовь? Именно туда, куда ты ее потом не один раз долбил! А рассказать ей все, заставив возненавидеть себя, ты не сможешь, Максим. Это все равно, что самого себя треснуть молотком по яйцам. Будь честен с собой – ты ссышь. И это нормально. Только ненормальный готов подставить свое

самолюбие под такой удар».

– Здесь холодно... – с виноватой улыбкой сказала Катя, тем самым ненадолго вырвав Макса в реальность.

– Раздевайся.

– Совсем?..

– Догола.

– Ага, хорошо... – она сняла свой белый плащ и стала искать взглядом, куда повесить вещи. Но Макс вырвал плащ из ее рук и бросил под ноги.

– Сложишь все на него. Давай!

«Странные это ощущения, когда вдруг оказывается, что добился всего, чего на самом деле хотел от жизни. Верно, Макс? Насколько мелка твоя душа на самом деле, а?» – Тетрагидроканнабинол в мозгу Макса делал свое дело, заставляя голоса звучать все убедительнее: «Вспомни всех тупых пёзд, кто обижал тебя. Отыграйся, как следует! Бабы заслужили это. Все до одной! Они нажираются в баре, раздеваются, трахаются, изменяют мужьям на корпоративах, а потом общественность кричит, что их изнасиловали. Наглые сучки! Ах, она бедняжка, была пьяной и не соображала, что делает? Но почему ей не пришло в голову по пьяни пойти помолиться, например, или приготовить пожрать своему парню? Почему она выбрала давать всем прямо на барной стойке или в туалете? Да потому, что это их доминирующая сексуальная фантазия! Все по Фрейду и по дядюшке Юнгу. А если ты нажрешься и не соображая, трахнешь кого, будет ли

это квалифицироваться, как то, что тебя изнасиловала женщина? Никак нет... Тебя посадят с отягчающими, чувак! И вот там уже изнасилюют, как следует в твой немигающий задний глаз. Так что насри на всю эту мораль! У тебя всего лишь пульт. И все, что у нее происходит в голове – это ее собственные мысли и желания, которые ты только лишь направляешь по рельсам, как диспетчер поезда на железной дороге».

Макс отстрельнул все, что осталось от косячка в сторону от себя и в бездну высоты. Красный трассирующий огонек навсегда исчез где-то в черной бесконечности, ухватив за собой все эти мысли. Еще через секунду он уже не мог вспомнить, о чем только что думал. Тепло Катиных влажных губ согревало его напрягшийся член пока остатки ветра, залетающие через ограждение крыши высотки, щекотали его яйца. Роскошное тело Кати уже не заводило его так, как раньше. И теперь, чтобы удовлетворить свое вожеление Макс с каждым разом требовалось большего. Он опустил свой взгляд с ночного неба на Катю и провел рукой по ее волосам. Та довольно мурлыкнула в ответ. Еще совсем недавно она, по мнению Макса, была способна скромно посасывать лишь только сок из соломинки. Зато сейчас, стоя на коленях абсолютно голая, она, обхватив его ягодицы, преданно заглядывала Максу в глаза и мычала от удовольствия. Она сосала так трогательно и нежно, как будто пыталась спасти на морозе замерзающего воробья. Со стороны действительно так могло показаться, но наблюдать эту картину было некому, кро-

ме Макса. А тот вряд ли сейчас мог оценить всю «трогательность момента».

Катя дрожала. Кожа ее покрылась мурашками. Поэтому героические попытки спасти воробья или снегиря с красной головой вызвали у Макса странные ассоциации с одной из сказок Андерсена. Он схватил ее за волосы, сделал несколько движений и кончил. Застегивая штаны, он почему-то сказал: «Твой снегирь только что испустил дух». В следующую секунду его охватил приступ смеха. Он оттолкнул Катю, и та едва не распласталась на крыше, успев удержаться на локтях. Макс ржал, как конь, пока она с недоумением, глядя на него, вытирала лицо рукой и пыталась понять, что же его так развеселило. Он выдернул ее плащ из-под сложенной одежды и надел его на себя. Затем поддел носком туфли оставшуюся Катину одежду, которую она подкладывала под колени и швырнул в сторону.

– Одевайся и проваливай!

Девушка подобрала одежду, и тут до нее дошел смысл сказанного. Одинокое сдавленное рыдание вырвалось из ее горла, и она снова обессиленно опустилась на задницу, окрашивая ее в черный цвет от битума. Ветер усилился и принес с собой дождь. Но плечи ее затряслись уже не от холода. В душе у Макса зазвенела струнка жалости, но тут же оборвалась. Он смотрел на нее, как на свое творение. А художник, как правило, не способен испытывать жалости к своим сюжетам.

Внезапно вновь открылась потайная дверь в мозгу: «И

что ты хотел нарисовать, берясь за кисть, чувак? Лишив ее стержня собственной личности, ты создал лишь портрет своих обид и неудач. В других мы ненавидим то, что нам не нравится в себе. А если этот другой еще и бесхребетный, он так четко отражает все наше говно, что об «это» хочется вытереть ноги. Такой образ ты хотел создать? Это твоя идеальная женщина? Или это твои идеальные отношения с женщиной? Теперь, когда они воплотились в жизнь, они совершенны... Когда ты в детстве строил города из кубиков, ты их ломал в конце, помнишь? Каждый художник, достигнув совершенства, сгорает от тайного желания уничтожить свое произведение. Посмотри на нее. Она совершенна, Макс!»

Яркая вспышка молнии и сильный гром захлопнули дверь в философскую комнату. В короткой вспышке света Макс успел разглядеть красивое лицо. Но это не было лицо Кати. Девушка, тихо рыдая, безуспешно пыталась надеть на себя мокрое платье. Затем, казалось, совершенно растерявшись и держась за ограждение, она продела одну ногу в то, что, видимо, еще утром висело в модном бутике красивого нижнего белья в качестве женских трусиков, которые она купила, специально для этой встречи.

«А помнишь, как она тебе изменила с твоим же другом? Это был твой лучший друг. Он, конечно, сволочь. Но если бы не эта сука!..» – Сознание Макса, как будто раздирало надвое. Мысли из философской комнаты умолкли, но вместо них у него в голове зазвучал голос похожий на кваканье

мертвой лягушки. И Макс совершенно не понимал, о чем этот голос ему говорит. Катя никогда не изменяла ему за все то время, когда они действительно были вместе. Однако, что-то заставило его согласиться со сказанным. И это вызвало в нем ярость.

Еще одна яркая вспышка вновь осветила лицо девушки. Максу оно было знакомо. Но он никак не мог вспомнить, где он ее видел прежде. Может быть, он видел это лицо в кино. Но оно точно не было похоже на лицо Кати. Сейчас он пожалел, что так много выкурил за раз. Мысли совершенно запутались и их естественный ход уже давно не принадлежал ему. Девушка бросила тщетные попытки надеть мокрую одежду. И теперь лишь сидела на крыше и плакала, закрыв руками глаза, как панда. Жалость снова защемила в сердце Макса острой болью, а к горлу подкатил ком.

«Э... Чувак, даже не думай давать слабину! Вспомни, зачем ты сюда пришел, – противный чужеродный голос в его голове вновь напомнил о себе, – тебе ее жаль? Женщина – она, как кошка. Когда кошке надо, она глупая и не во что ни врубается. Мяучит. Но кошка вдруг, пиздец как резко умнеет, когда ей выгодно. Например, когда хочет жрать. Она уже давно планировала снова кинуть тебя, чувак. И на этот раз собирается отсудить у тебя твою квартиру! Она хочет бросить тебя и забрать у тебя все, включая твою мужественность!»

Макс опять мало понял, о чем говорил голос. У него

никогда не было собственной квартиры. Но неуправляемая ярость вновь овладела им. Он быстро подошел к девушке и схватил ее за волосы. «Давай, вперед. Сделай это! Ведь за этим ты сегодня сюда пришел. Унизь ее еще сильнее. Уничтожь ее, как личность. Раздави!» – квакал голос.

Девушка изумленно смотрела на него, а потом попыталась высвободить свои намокшие волосы из его руки. Но Макс рывком подтащил ее к бортику и с силой ударил Катю головой об ограждение крыши. Та вскрикнула, но следующий удар заставил ее замолчать. Он не переставал бить ее, пока гулкие удары не превратились в чавканье. Еще одна вспышка молнии высветила черную кляксу на белой стенке ограждения. В воздухе запахло медью. На белом плаще, в который он был одет, повсюду были чернеющие капли, разбавленные дождем. Макс подхватил Катю за плечи, округлость которых еще несколько месяцев назад заставляла дрожать все его тело. Затем его правая рука случайно обхватила грудь. Ту самую грудь, которую он когда-то прощупывал через свитер под волшебство музыки Tears in Heaven. На мгновение у него опять сжалось что-то в животе. Он попытался приподнять Катю, чтобы перекинуть ее через ограждение вниз. Но она слабо уперлась левой ногой в стенку.

– Боря, что ты делаешь? – Она говорила невнятно и тихо, как ребенок, который только что проснулся от страшного сна. – Отпусти меня, пожалуйста, слышишь? Отпусти меня, Максим! – Голос булькал и тонул в месиве разбитого лица,

которое теперь не было похоже ни на кого. «Зачем она побелила волосы и сделала каре?» – Мелькнуло в голове у Макса. Он присел и обхватил ее за бедра, чтобы приподнять. Щечкой он прижался к одной из ее ягодиц. Катя невольно повисла, перекинувшись через стенку. На секунду он задержался, чтобы нежно поцеловать ее задницу.

– Я тебя отпускаю. – Макс перекинул Катю через бортик и стал провожать взглядом ее идеальный полет лицом вниз, пока тело полностью не исчезло в темноте. А затем закричал ей вслед:

– Сейчас я убиваю не тебя, а себя! В тебе уже ничего не осталось, кроме меня! Ты умерла гораздо раньше!!! Но все равно сдохни, сука! Сдохни совсем!!!

Он ждал, чтобы услышать отдаленный чвакающий звук. Но снизу послышался удар, как от разбитой керамической вазы. «Она раскрошилась», – промелькнула мысль, которая ужаснула его больше, чем то, что только что произошло.

– Теперь ты не живая, – сказал Макс, потихонечку возвращаясь в сознание.

18. Цена свободы

Сильный удар грома заставил его кричать. Макс резко сел в своей кровати, часто дыша. С минуты он сидел неподвижно.

– Это был сон. Всего лишь ёбаный сон! Просто очень реалистичный... Ты зря покурил эту дрянь вчера вечером. Успокойся, Макс... Успокойся... – отдышавшись, он отки-

нул на подушку. Затем повернул голову и увидел разбитый цветочный горшок, который слетел, когда сильный порыв ветра толкнул незакрытое окно внутрь.

Макс встал, чтобы заварить чай и покурить на кухне. Остатки кошмара потихоньку развеялись, оставив после себя лишь большое липкое пятно спермы на трусах. С тех пор, как он прогнал Катю, они не виделись уже месяц. Каждый раз, когда она пыталась звонить ему в дверь, он при помощи пульта отправлял ее прочь. Не отвечал он и на ее телефонные звонки, ограничиваясь скухими смсками. Даже Том как-то раз написал ему, что, судя по мониторингу показателей, Кате очень-очень плохо. Порой Макс и сам сильно скучал. Ему не хватало, ставшего уже таким привычным ощущения ее груди, упершихся ему в спину, когда он засыпал. Он тосковал по запаху свежeweмытых волос, гладкой коже. Изголодался по горячему и пульсирующему влагалищу вкупе с таким же дыханием. Не хватало ему и простых объятий, когда можно было просто стоять, обнявшись под теплыми струями воды в душе. Особенно этого ему не хватало сейчас. Утром он позвонит ей сам. Обязательно позвонит. Он еще раз обнимет еще. Еще один раз. И все расскажет ей, попросив прощения и освободив, таким образом, себя от чувства вины. Он готов заплатить горькую цену. Теперь точно готов.

Эта мысль подняла настроение Максy. Теплый душ, стакан горячего чая и сигарета окончательно развеяли недавний кошмар. Утром он снимет с нее чары. И пусть она вознена-

видит его навсегда.

* * *

На телефон никто не ответил. Ни в первый раз, ни во второй, ни в третий. Макс вдруг поймал себя на мысли, что больше всего он соскучился по сексуальному голосу Кати. Даже больше, чем по ее телу. С первых дней, как они по инициативе Макса временно расстались, он запретил ей ему звонить, аргументируя это тем, что хочет разобраться в себе. Все это время он продолжал получать от нее бесчисленные смс по поводу и без повода, и это только выводило его из себя. Затем, сообщения стали приходить все реже и реже. И теперь, слушая гудки в трубке, Макс осознал, что этим утром Катя не подала никаких признаков жизни и даже не пожелала ему доброго и теплого дня ставшей для него уже привычной смской. От последней мысли он поморщился, вспоминая свой ночной кошмар. Неприятный холодок опоясал его тело при мысли о том, что Катя могла...

– Выброси это из головы. Из-за такого уебана, как ты, ни одна даже самая страшная крокодилиха не то, что не подумает покончить с собой, но даже переживать не станет дольше чем... – Макс посмотрел на настенный календарь, дата на котором говорила, что уже месяц они не вместе. Острое желание вновь провести ладонью по ее голой заднице, вывело его из ступора, и уже через несколько секунд он заказывал такси, одновременно одеваясь. Она просто еще спит. Време-

ни только девять утра. Он делает ей сюрприз. Вот она обра-
дуется. Макс на автомате открыл внутренний шкаф, порыл-
ся там и сунул в карман куртки пульт.

* * *

Дверь аккуратно открылась и за ней показалась очень да-
же не заспанная Катя.

– Не хотел открывать своим ключом. Это тебе, – Макс протянул букет цветов Кате, которая от неожиданности несколько секунд не могла вымолвить ни звука.

– Ты?.. – наконец сказала она и неуверенно улыбнулась. Небольшие ямочки и ровные белые зубы заставили сердце Макса быстро стучать вновь, – что-то случилось, Максим? Я тебя не ждала...

– Мне уйти?

– Просто... это... так неожиданно, – у Кати слегка дрожал голос, и он заметил, насколько сильно она была растеряна. И даже почему-то напугана. В глазах у нее сейчас стоял именно страх.

– Я звонил тебе. Ты не отвечала. Подумал, ты спишь. – Макс переступил порог, и ей пришлось отойти в сторону.

То, что он увидел в салоне, заставило его остановиться. На полу лежала открытой большая дорожная сумка на колесах. Она была уже почти сложена. На диване, словно после попойки, одно на другом растянулись Катинины платья на плечиках в нелепых позах.

– Ты куда-то уезжаешь? – Страх тихонечко ударил под дых, но Макс, сжимая в кармане пульт, тут же успокоил себя тем, что никуда она не уедет. Не без него. И не сейчас. Его планы покаяться и все рассказать Кате как-то сразу сами собой отложились на неопределенное время.

– Д-д-да... Лечу... Еду в гости к двоюродной сестре. Я тебе не рассказывала? По маминой линии. Она на Сахалине живет.

– Туда без заграна не пускают сегодня? – Макс посмотрел на журнальный столик, где покоился заграничный паспорт.

– Окей, Максим! Я просто уже не надеялась ни на что. Хотела как-то все это пережить. Лечу в Египет погреться. Но разве я обязана отчитываться, раз мы расстались? Ты же сам этого хотел! – В тоне Кати не обнаружилось той любви, которая должна была сохраниться навеки даже без действия пульта, как «пугал» его Том.

– А когда-то я тебя звал в Египет. Сейчас там небезопасно, – внутри Макса закипало что-то незнакомое ему. Он еще раз сжал пульт у себя в кармане, но рука, видимо, настолько ожидала сжать рукоять хлыста, что квадратные формы пульта воспринялись сейчас, как нечто инородное.

– Знаю, но... – замялась она.

– Не сделаешь чаю?

– Да, конечно! – Катя юркнула в кухню, что дало ему время выбрать нужное меню. Он до максимума активировал «нежность», выбрал заготовленный список команд и пошел

на кухню вслед за Катей, которая уже колдовала с чашками, нагнувшись над столом. Макс, шутя, слегка одернул ее легкое домашнее платье, и она рефлекторно дернулась, пролив уже налитый чай.

– Эй, это же я... Что с тобой?! – обхватив за талию, он потянул ее на себя, чтобы поцеловать. Но Катя поддалась не сразу. Поцелуй вышел неуклюжим и сухим.

– Прости, я... не готова так...

– Все нормально. Я понимаю. Это ты меня прости, – в кармане Макс не переставал нажимать на заранее заготовленную безобидную команду «обними меня». Но Катя оставалась неподвижной. Вдруг она резко провела рукой за ухом и глаза ее расширились в ужасе. Сейчас она вела себя почти так, как в тот день, когда он активировал пульт из своей засады. Затем она обреченно посмотрела Максиму в глаза, который продолжал слать одну и ту же команду. Ничего не происходило. «Что за хуйня?! – зазвенело у него в голове, – спокойно, чувак! Это все побочки из-за длительного перерыва. Обязательно сообщу об этом баге разработчикам. Просто ей нужно время», – но самоуспокоение не очень-то работало. Его сердце колотилось, как у девушки, только что получившей права и оказавшейся без навигатора посреди десятиполосной магистрали. Пленительные линии Катиных бедер вновь манили Макса, как при первой встрече. Даже сильнее прежнего. Сделав над собой усилие, он просто подошел и еще раз обнял ее за талию. На этот раз Катя поддалась более

спокойно. Затем, обвив его шею руками, стала целовать в губы. «Уже лучше. Гораздо лучше, – думал Макс, – а теперь сними с себя блузку и оголи уже, наконец, свои сиськи, сучка! Что-то я по ним соскучился», – он послал соответствующую заготовленную команду, но опять ничего не произошло. Вместо этого Катя неловко высвободилась из его рук.

– Ты не сердись... Но мне сейчас, правда, некогда. Надо собираться. Скоро самолет, – в глазах у нее читалась сильная тревога.

Пульт не работал. Просто не работал, несмотря на то, что табло показывало, что все в норме. Ну конечно! Он же сказал Тому, что они расстались на какое-то время. Наверное, тот просто временно каким-то образом все отключил за ненадобностью или еще чего. А может быть этот говнюк затаил на него обиду из-за ссоры во время их последней встречи? Или просто отключили... за неуплату? В таком случае разработчиков ждет удачное финансовое будущее.

Макс разглядывал манящие очертания Катиных грудей. Кожа цвета молочного какао снова сводила его с ума. Только вот почему-то сейчас это его никак не радовало. Какой-то порыв, видимо, известный только плантаторам в те моменты, когда рабыня становится строптивой, заставил Макса сорваться с места и схватить загранпаспорт с журнального столика.

– Никуда ты не полетишь!

– Макс, прекрати, – тихо сказала она и двинулась к нему,

чтобы забрать паспорт.

– Какой новенький! – Он усмехнулся, перелистывая страницы, от которых исходил типографский запах казенных чернил, напоминающий о том, что не только паспорт, но и человек является собственностью Российской Федерации. И тут его взгляд наткнулся на то, что заставило его улыбку потухнуть. Он округлил глаза и посмотрел на Катю.

– Отдай, Максим... – Она схватилась пальцами за край раскрытого паспорта, но Макс крепко сжимал его.

– Ты не летишь в Египет, так? Точнее, ты летишь не в Египет... Австрия, – он ткнул пальцем в свеженькую визу.

– Да. У меня гастроли.

– Почему сразу не сказала?

– Хорошо. Это не гастроли. Я еду учиться и петь в труппе. Надолго. Не хотела тебя расстраивать.

– И возможно останешься там навсегда... – Его пальцы ослабли и отпустили паспорт.

– Возможно, – держа в руке свой загран, она медленно отступила назад.

Вдруг весь тот Макс, который существовал на протяжении этих нескольких месяцев, куда-то исчез. Вернулся прежний Макс, который хотел сейчас упасть на колени, плакать и молить, молить, молить... Но Макс-плантатор по-прежнему кричал откуда-то из далека о том, чтобы не позволить этой суке вновь взять над собой власть. Потому что она – его сука!

– Когда у тебя самолет?

– В девять двадцать сегодня вечером.

– Я скоро вернусь и провожу тебя, – Макс ринулся к выходу.

19. Цена Макса

Уже сбегая по лестнице, Макс начал названивать Тому, но тот все не брал трубку. Он успокаивал себя мыслью, что такое уже было, и Том, скорее всего, на важной встрече, или же он еще крепко спит после бурной ночи. В настройках Макс скрыл свой номер телефона, и в такси по дороге домой он еще несколько раз набрал Тома. Но после десяти тщетных попыток послышался механический голос, сообщающий о том, что абонент вне зоны доступа. Влетев домой, он машинально хватал и бросал поочередно в сумку чековую книжку, кредитку, записку из евро и долларов – все, что могло удовлетворить любого поставщика каких либо услуг. Затем, поймав на улице такси, он сунул шоферу визитку, которую когда-то давно получил в баре от незнакомца и попросил лететь по этому адресу. Уже в пути он вспомнил, что забыл дома пульт, но это для него сейчас не было так важно. Он еще успеет за ним вернуться. Сейчас ему надо было все уладить с фирмой. И тогда он снова заткнет «этой стерве» рот своим членом, когда она позволит себе «слишком вольно разговаривать» с ним.

* * *

– Адрес верный. Логотип компании тоже... Но название

фирмы, имя чувака и телефон никак к нам не относятся, – охранник квадратного вида вежливо вернул Максу визитку, преграждая дорогу внутрь, – какой-то мужик снимал здесь кабинет, проводил какие-то юридические консультации. Съехал сегодня очень рано утром со всем своим бараклом. Это даже не моя смена еще была, я уже позже заступил.

– Но как же так! Я и анкету заполнял в фойе. Прямо вот здесь! – Макс показал рукой куда-то за спину охранника, но тот тихонечко ее опустил.

– Слушай, гражданин товарищ! Здесь рекрутинговая компания, специализирующаяся на подборе директоров. Не знаю, почему тот мужик в нашу визитку вписал себя. К нам он не относится. Говорят, он въехал на этот этаж еще до нас, когда мы ремонт делали.

На память Максу пришел бардак и запах побелки. Но тогда полгода назад Макс счел, что это расширяется «ESOAP Company», и этот факт только подкрепил его впечатление о том, как хорошо у них идут дела. И сейчас до него начало доходить, как сбила его с толку единственная табличка на двери в коридоре, гласившая: «Артемий Лазаревич, генеральный директор E.S.O.A.P. Company».

– Он говорил, что у него здесь адвокатская контора?! Где он сейчас? Он оставил какие-нибудь координаты? Как мне его найти? – Макс почти кричал и напирал на амбала охранника. Видимо, тот почувствовал приближающийся конфликт, потому что глаза у Макса почти вылезали из ор-

бит, а лицо его залило краской гнева и отчаяния.

– Меня не интересует, чем он занимался. И начальство это не интересовало. Платил бабки и снимал кабинет, – сказал тихо охранник, – уехал и хорошо. А то сегодня утром его вообще какой-то псих в окровавленном бабском плаще искал. Орал, что заключил сделку с дьяволом. Внутрь ломился. Дурку ему вызвал и ментов... Иди отсюда по добру, если встреча не назначена. А то и тебе чего-нибудь вызывать придется.

– Плащ у парн... у того психа был белым???

* * *

Водитель едва не выкинул Макса из такси, когда тот буквально орал, подгоняя ехать быстрее. Время исчезало. После разговора с охранником Макс в голову пришла отчаянная идея взять пульт, пойти с ним в полицию и все им рассказать. Но вовсе не из покаяния, а чтобы те помогли по горячим следам задержать «директора». Затем он понял весь абсурд ситуации с обращением в полицию. И тогда ему пришла еще более оригинальная идея – срочно нанять частного детектива, найти Артемия Лазаревича, а затем шантажировать его обращением в полицию, требуя возвращения контроля над Катей. Ведь до её отлета еще оставалось несколько часов.

Забежав снова домой, Макс ринулся искать пульт. Через несколько минут тщетных поисков его охватила паника. Пульта нигде не было. Судорожно перебирая в памяти ситу-

ации, когда и где он мог его выронить, он остановился как вкопанный посередине комнаты, вглядываясь в белеющий прямоугольник на журнальном столике. Обострившееся восприятие Макса мгновенно определило, что предмет этот появился здесь во время его короткого отсутствия дома. И появился предмет на том самом месте, где он оставил пульт. Подойдя ближе, Макс разглядел абсолютно безликий плоский кусок пластика без какой-либо надписи. Аккуратно взяв его в руки, он разглядел впаянный чип, а на обратной стороне магнитную ленту, такая бывает на кредитных или дебетовых картах. Телефонный рингтон заставил его вздрогнуть. Номер не высвечивался. Помедлив секунды две, он провел пальцем по экрану и настороженно произнес:

– Алло?..

– Ну, здравствуй, Максим.

– Здравсьте... – несмотря на то, что прошло несколько месяцев со дня их единственной встречи, Макс узнал этот голос. Вся его недавняя героическая решимость взять таинственного директора за яйца, мгновенно испарилась. Сложно шантажировать человека, который спокойно проник в твоё жилище.

– У тебя, наверное, много вопросов ко мне.

– У меня?.. – все еще не собрался с мыслями Макс. Он почувствовал слабость в коленях и рухнул задницей на диван.

– Давай сэкономим время друг другу. Ты не будешь задавать свои вопросы, а я просто тебе отвечу на них. Идет? –

голос был уверенный и не привыкший к возражениям.

– Идет, – пискнул Макс.

– Карточка, которую ты сейчас, скорее всего, держишь в руках, как ты уже, наверное, догадался, имеет отношение к банковскому терминалу. Когда мы в самом начале говорили об «утрясании финансовой стороны дела позже», имелся в виду твой гонорар.

– Мой что?

– Мы договорились, что ты только слушаешь, не так ли?

– Да, простите.

– Отлично. На карте пятьдесят тысяч долларов США. Но во избежание недоразумений, сразу всю сумму снять ты не сможешь. Только по пять тысяч каждый месяц. Всего десять месяцев. Ровно столько тебе понадобится, чтобы остыть и прийти в себя.

– Гмм-м-м, – ком застрял у Макса в горле, превращая невысказанную эмоцию в невнятное бульканье.

– Тебя, конечно же, интересует кто мы такие. Заказчика я называть не стану. В скором будущем ты сам догадаешься на кого работал. Скажу только, что мы причастны к разработке секс роботов. Конкретно мой отдел отвечает за психологические эксперименты. Прежде чем выбросить на рынок такой товар, как электронную жену, следует подумать о последствиях. Далеко не каждый будет иметь право на данную услугу... К сожалению, нам иногда приходится менять свое местоположение. На этот раз не обойдется даже сменой

города. Твой давнишний знакомый, от которого ты получил визитку, сегодня ночью выбросил свою жену с крыши дома. – Директор сделал паузу. – Тот эксперимент продолжался почти два года. Теоретически мы предполагали подобное, но, признаю, это стало для всех нас потрясением. Мы вынуждены временно свернуть все исследования. Я думаю, ты прекрасно понимаешь, что если решишь кому-либо о нас сообщить, то тебе поверят только в сумасшедшем доме. Однако дополнительной страховкой будет как раз то, что деньги ты получишь только по частям. Если решишь сказать лишнее, пока эмоции еще переполняют тебя, то никто тебя, конечно, не тронет. Мы работаем на благо людей и хотим сделать мир лучше. Просто ты лишишься своего гонорара. Теперь, если у тебя еще остались вопросы, задавай. Только быстрее.

– Право на роботов надо заслужить? Но почему? – Макс хотел было закипеть от ярости из-за того, что его использовали, как подопытного кролика. Но слова «пятьдесят тысяч долларов» волшебным образом уменьшили зуд от негодования. И заданный вопрос стоял как бы следующим после закипания в приоритете его «устной выдачи» эмоции.

– Мы стоим на пороге больших изменений, которые коснутся всей социальной системы человека. Роботы и компьютерные системы оставят без работы миллиарды людей. Кто-то успеет переквалифицироваться и приспособиться к новой парадигме мировой экономики с ее рынком труда, а кто-то... попросту станет лишним, так как его заменит робот.

– И... как это связано...

– Нужда в браке тоже может исчезнуть.

– Но... Робот это лишь игрушка... Как это связано с браком и любовью?

– Ошибаешься. Я говорю о таких роботах, которых совершенно не отличить от реального человека. Даже дубликаты реально существующих людей можно будет изготавливать на заказ. Идеальная жена. Будем честными: брак с экономической точки зрения выгоден только женщине, чтобы обеспечить своим детям финансовую колыбель на протяжении того периода, пока они растут. И, когда появятся секс-роботы, от этого, к сожалению, выиграют в основном мужчины. Многим мужчинам предоставится возможность посвятить свою жизнь чему-то более интересному, чем семья. Теперь он сможет купить любое тело в виде робота и не жениться ради секса. Робот сможет даже играть в любовь...

– Думаю, вы со своими дебильными разработками ломитесь в открытую дверь. Женщины сегодня свободны и независимы. Брак им тоже не нужен. Вообще, грядет эра свободных женщин! – Максимум не нравилось то, что он говорит. Но он должен был что-то сказать собеседнику, которого считал самодовольным ублюдкой.

– О, да... Об этом сегодня так любят кричать феминистки. Это новая религия такая. А у любой религии отсутствует связь с реальностью, поэтому все религии обречены на угасание. Свободными от кого они будут? Женщине по-прежнему

му нужны средства на содержание детей, Максим. А для этого ей нужен спонсор в виде мужа, когда при помощи брака она заявляет права на его доходы. Или же она претендует на выплаты от государства. В последнем случае все ложится на плечи налогоплательщиков. Наша задача сделать так, чтобы было хорошо обоим полам. Но одновременно мы планируем избавиться от финансового бремени тех людей, кто не хочет оплачивать чью-то чужую реализацию в виде детей. Если уж на то пошло, то грядет эра свободных мужчин.

– И как же помогут ваши разработки решить проблему женщин? Может создадите работа мужика, который будет зарабатывать? – Макс хохотнул, но получилось не весело.

– Остроумно, но это не решит проблему женского счастья. Брак женщине необходим не только ради доходов, но и для того, чтобы отсвечивать в лучах социального успеха своего мужчины, одновременно веря в то, как она осчастливила его детьми. А еще любой женщине для счастья требуется покупатель. Всегда. Даже богатой и состоятельной. И как женщине продать себя респектабельному мужчине в условиях, когда девушка-робот гораздо дешевле?

– Я, конечно, далеко не ангел... И по отношению к женщине вел себя, как последняя свинья эти несколько месяцев... Но после ваших слов я прекрасно понимаю, почему зародилось такое движение, как феминизм.

– Ты кривишь душой и прекрасно это осознаешь. Полагаю, ты и сам мыслил в ключе сказанного мной в последнее

время.

– Но я это... от эмоций! А вы... Вы это говорите, как...

– Врач, описывающий анатомию тела. Феминистки сегодня заявляют, что отстаивают интересы женщин. Но создается впечатление, что большинство из них совершенно позабыли, что такое женщина. Они прививают женщинам мужские ценности, призывая их во всем походить на мужчин. В их тезисах мало чего остается для женского счастья. И наоборот, мальчикам еще со школы на уроках по феминизму пытаются привить женские начала, заключающиеся в подавлении в себе желания быть лидером, чтобы во всем соглашаться с женщиной в браке. Но человеческая природа от этого никак не изменяется. Мужчина по-прежнему доминирует, а женщина по-прежнему не хочет ни за что отвечать. Поэтому феминистки борются в основном лишь за равные права, а не за равные обязанности. А мужчина становится жертвой в условиях современных реалий.

– И вы решили всех нас мужчин спасти, создав секс-роботов, чтобы мы не зарывали своих таланты в пеленках брака? То есть, нам мужчинам потомство не нужно! – Сорвался на злобный сарказм Макс.

– То, что женщина рождает только для себя, хорошо иллюстрируется на бракоразводных процессах, когда они всеми силами стараются забрать детей себе, настроивая их против отцов. Но, не отказываясь от алиментов. И только когда какой-нибудь разведенный отец из страха одиночества и ради

новой женщины заводит еще одну семью, начиная подзабывать о предыдущих детях, бывшая жена вдруг старается напомнить о «его» потомстве, к которому у мужчины уже мало интереса.

– Ну... и какое же решение вы заготовили для женщин?

– Не все мужчины способны отказаться от брака и чувствовать себя полноценными при этом. Для женщин, при помощи наших психологических исследований и технологии Big Data, мы будем подбирать идеальных спутников жизни.

– Кто же тогда будет обречен на тяготы семьи? – пытался связвить Макс?

– Есть люди, которые считают, что это будут такие, как ты, Максим.

– Да что вы?! – усмехнулся он. Сейчас ему совсем не нравилась такая похвала, потому что он видел в этом свидетельство того, что он лишь средний мужчинка-простофиля. – Я хоть и сладкий Буратино, но уверен, что был порядочной свиньей все время вашего эксперимента!

– Следует учитывать, что это был тест на предел прочности. Несмотря ни на что, ты обнаружил в себе стержень. Именно он уберек тебя от саморазрушения, которому подвержены многие, на кого сваливается почти безграничная власть над кем-либо. Когда я служил в Чечне, то видел многих ребят, которые сходили с ума лишь от осознания того факта, что держат в руках автомат. У тебя же в крайних ситуациях срабатывает предохранитель адекватности. Калигу-

лой тебе не стать.

– Но я же отказался от брака с ней, даже когда ваш сотрудник так меня агитировал на последних с ним встречах.

– Он агитировал? Ха... Не знал... Вообще-то, если бы ты принял такое решение, это было бы плановым завершением нашего эксперимента. Видимо, Том желал поскорее закончить этот проект. Я же лично не разделяю точку зрения, что именно твой тип личности наиболее подходит для брака. В любом случае, тебе только кажется, что ты отказался жениться. Иначе бы ты так не суетился сейчас. Вполне возможно, что в реальной ситуации ты бы стал порядочным семьянином. Есть такой тип личности, который просто не способен существовать без семьи. Она заменяет таким людям самореализацию в жизни.

– И мнения разделились, я это или не я? – С надеждой, что все-таки это не он, спросил Максим.

– Эксперимент не был завершен должным образом. Я не берусь утверждать. Но склоняюсь, что брак – это не твое.

– Но... Если, все-таки, те, кто подходит больше для семьи, вместо брака тоже захотят приобрести работа в будущем?..

– Именно поэтому следует оставить некоторую прослойку мужчин без права на приобретения такого товара. Как видишь, не только о финансовой выгоде мы печемся. Наша задача будет состоять еще и в том, чтобы лоббировать законы, запрещающие продажу роботов тем, кто... больше подходит быть отцом. Другим же наоборот запретить тратить

свое драгоценное время на семью, если их потенциал в науке или бизнесе полезнее для общества. И, кстати... есть эксперименты по созданию роботов для женщин. И они очень интересны. Но это совсем другая опера.

– То есть ваша организация решила взять на себя функцию решателей судеб?

– Наш товар – счастье и гармония. И чтобы под тягостью брачных уз мужчины тоже были счастливы, для них мы будем подбирать идеальных жен. Ведь каждая женщина много думает и говорит, что ей надо для счастья, но далеко не все из них задаются вопросом, что же надо для счастья мужчинам. Некоторые женщины на полном серьезе считают, что если их счастье в браке заключается в рождении детей, то счастье мужчин состоит лишь в том, чтобы все это содержать. И редко, когда кто-то из них задается вопросом, на какие жертвы они сами готовы пойти ради осуществления жизненных целей их дорогих мужей. Вместо этого они пассивно и наивно полагают, что мужчины счастливы лишь от того, что женаты на них, потому, как без них, по мнению таких женщин, они не смогут быть счастливым по определению. И потом они же искренне негодуют, когда мужья уходят к другим... Наша задача – помочь создавать крепкие браки. Мы решим, как жить людям, чтобы сделать их удовлетворенными.

– Но это же... фашизм!

– Называй это, как хочешь. Но учти, что крупные ИТ компании уже давно решают за людей, что и кому выдавать в по-

исковых запросах и что потреблять. И мы морально ничем не отличаемся от прочих. Если это все твои вопросы, то мне пора.

– Подождите!!! – Макс буквально взревел. – А как же... пульт?! Как же Катя?! Я не... Я не до конца понимаю!

– Что здесь не понятного? Цель экспериментов состоит в том, чтобы узнать, как будет вести себя человек, когда будет создан робот. Также, полученная информация поможет избежать трагедий с реальными людьми в реальном браке...

– Но из-за вас уже погиб человек! А другой съехал с катушек!

– Просто так никто с катушек не съезжает. Уясни это. Борис был предрасположен к насилию... Мы допустили ошибку, не прервав эксперимент. И я признаю это. Такие, как он, получают право приобрести роботов, но им будет запрещено иметь настоящую семью. На данном этапе мы проверяем поведение человека, который управляет человеком. Впоследствии пульт будет управлять только роботами. С разными типами людей робот будет вести себя по-разному, чтобы человек действительно был счастлив. А сейчас мы проводим лишь стресс тестирование в условиях абсолютного подчинения. В науке всегда кто-то должен быть подопытным кроликом, Максим.

– Ах, вы гондоны! Я пришел к вам за помощью, а вы использовали меня, чтобы сделать мне в результате еще хуже! Вы обещали помочь мне!

– Мы обещали помочь тебе разобраться в том, чего ты хочешь на самом деле. Мы тебе помогли. Ты поймешь это чуть позже... если уже не осознал.

– Вы занимаетесь противоправной деятельностью! Это преступление!

– Современная действительность создала новую религию политкорректности и мнимой законности. Все, что против – считается ересью. Ученых на пути к прогрессу часто придают анафеме. Поэтому мы работаем тихо. В будущем наши исследования принесут благо, а наша модель будет считаться чем-то самим собой разумеющимся, как сегодня прививка от оспы.

– Я... Я отказываюсь от гонорара, – он проглотил последний слог, – только верните мне мою Катю. – Шепот выдавал тихие рыдания.

– Боюсь, что это невозможно, Максим. Думаю, ты и сам теперь понимаешь, что не Катя тебе была нужна. Лично я полагаю, что со временем ты все равно сам отпустил бы её.

– Вы садисты! – заорал Макс, – нельзя такое творить с людьми. Я убью тебя, слышишь! Верни мне мою Катю!!!

– Максим! Невозможно вернуть того, кто никогда твоим не был. И люди – это не секс роботы. Человек не должен принадлежать кому-либо в современном мире.

– Тогда почему вы проводите эксперименты на живых людях? И это ведь сложнее технически! Или я чего-то не доучил в университете?!

– Технически это гораздо проще. Скоро ты сам в этом убедишься. День сюрпризов еще не закончен. Прощай, Максим.

– Подождите! Я хочу, чтобы вы отдали все мои деньги Кате. Пожалуйста. Это важно... Она это заслужила.

– Не переживай за нее... – директор помедлил. Казалось, он был чем-то смущен. А затем добавил:

– Ей заплатят гораздо больше, чем тебе. – Характерное шипение в динамике телефона прекратилось. Его редко слышно во время разговора, но всегда заметно, что оно прекратилось, обозначив конец связи.

20. Цена Кати

По расчетам Макса у него еще оставалось время, чтобы застать Катю у нее дома и проводить ее на самолет, но сейчас он был готов отсосать водителю такси, лишь бы тот не обращал внимания на правила дорожного движения. Однако, даже такие крайности не помогли бы ехать быстрее, так как впереди случилась авария и образовалась пробка. Макс набрал номер Кати, надеясь, что после их утренней встречи у нее больше не осталось причин не отвечать ему. Но телефон лишь издавал гудки, и Макс заподозрил, что Катя избегает общения по причине того, что она узнала правду об эксперименте, и ей стало противно общаться с ним.

Мучительно тянущиеся минуты в такси в его голове происходило броуновское движение мыслей, но на одну и ту же тематику. Что он ей скажет? Как объяснится во всем? Конечно, для нее это тоже был шок. Когда ей обо всем расска-

зали? Несколько дней назад? Сегодня утром после ночного случая? Заплатили, запугали и велели бежать подальше, чтобы ничего не всплыло?.. Ему оставалось только констатировать факт, насколько быстро человек способен вернуть уважение к себе, если вдруг становится не подвластен тому, кто от него эмоционально зависим.

Без пульта Макс чувствовал себя голым и безоружным рыцарем, с которого сдернули магию власти, как одеяло, обнаружив под ним онанирующего подростка. И теперь он был готов просить о пощаде, ползая на коленях и клянча кусочки влагилица. Одна только мысль о том, что Катя может достаться кому-то другому более достойному, чем он, заставляла его покрывшиеся испариной губы дрожать.

* * *

Дверной звонок едва не охрип от его настырных нажатий. Никто не открыл дверь. Тогда он воспользовался дубликатом ключа. По их взаимной договоренности и у него, и у нее были ключи от обеих квартир. Войдя внутрь, Макс сразу же понял, что Катю он уже не увидит. Она уехала. Он обессилено плюхнулся на диван, обхватив голову руками. На столике лежал коричневый конверт, на котором было написано «тебе». Быстро разорвав его, он принялся читать аккуратный почерк Кати. Такой же сексуальный и женственный, как и ее голос. Дочитав до конца, Макс сорвался с места.

Уже по запруженной дороге в аэропорт, ему стало ясно,

что он не успеет до Катиного отлета. Как назло, именно сегодня ему попадались прилежные водители. А этот и вовсе отказался от ста долларов из заначки Макса, чтобы объехать пробки по обочине. Не доезжая до входа в здание терминала, Макс попросил остановить машину у проволочного забора. Подойдя к нему, он уставился вглубь летного поля, где неспешно выруливали воздушные суда. В руках он по-прежнему держал Катино письмо.

«Здравствуй, Максим. Ты не сердись, что обманула тебя со временем моего отлета. Самолет вылетает в час пятнадцать дня, и сейчас, когда ты это читаешь, я уже прохожу таможенный контроль. Это самое малое, в чем я тебя обманула. Также прости меня, что отдала ключ от твоей квартиры Тому, чтобы он оставил тебе карточку. Заодно он забрал и то, что ты считал пультом от меня. Ты забыл его на столе. Как много раз забывал его и у меня дома, и даже один раз в клубе, когда ты напился.

Не существует никакого «пульта от девушки». Сегодня утром я не ожидала, что ты приедешь, поэтому не вклеила в ухо миниатюрную булавку-наушник, который передавал мне все команды, что ты посылаешь все это время. Такие наушники сегодня продаются на ебай по десять долларов за штуку. А пульт – это переделанный китайский смартфон с занимательным меню и радиопередатчиком. Мне оставалось лишь зазубрить все условные звуковые сигналы, которые я принимала. Вот и весь секрет.

Ты не вини себя ни в чем, Максим. Мне на самом деле в основном было хорошо с тобой. У тебя богатая фантазия. И вовсе не агрессивная. Я проверила твою адекватность, когда ты попросил рассказать о моих сексуальных фантазиях. Хорошо, что некоторые тебе не понравились. Я видела, как ты себя вел, когда осуществлял их. Больше половины из этих фантазии действительно были моими, и только с тобой я решилась воплотить их в реальность. Какие именно мои, а какие выдуманные, останется тайной для всех. Кстати, мне очень нравилось делать тебе минет. Скажем, это было самое приятное в моей работе. Но чтобы ты спустился с небес на землю относительно моей непорочности, вынуждена сказать, что не только тебе мне нравилось его делать. Ты не первым мой клиент. На фирму я работаю уже два года. И так уж получилось, что ты «случайно» познакомился со мной. Признаю, что с тобой порой было очень не просто. Но если я когда-нибудь решусь выйти замуж и завести семью, то найду такого же хорошего и доброго, как и ты.

Мой контракт на тебя заканчивался через месяц. Но пришлось прервать работу раньше. Сегодня ночью произошла трагедия – погибла моя подруга и коллега. Ты видел её мельком, когда Борис, сам который до сих пор ничего не знает об эксперименте, по нашей с ней наводке передал тебе визитную карточку. В отличие от своей коллеги, я старалась проявлять больше благоразумия, и даже привязавшись к клиенту эмоционально, не забывала о безопасности. У неё был от-

личный контракт и огромный гонорар, который подпитывал ей мотивацию, чтобы полностью влиться в роль. В нашем деле, когда приходится подолгу играть, то границы театра и жизни стираются. Она напрочь забыла об этом. Не сообщала, если они с ним куда-то выходили вместе. Старалась обойтись без охраны, считая ее помехой. Не допусти она такую глупость, по одному ее нажатию кнопки любого обидчика в любой ситуации мгновенно бы перемололи в консервы. А теперь ее нет в живых... Я же заботилась, чтобы за нами всегда приглядывали, когда мы с тобой куда-нибудь выходили. Не тебя я, конечно, опасалась. Просто ты же сам видел, как на меня реагировали мужчины в клубах.

Борис оказался зверем. Ты не такой. У тебя есть внутренний стержень, который не дал тебе превратиться в чудовище. Он всегда у тебя был. Даже когда ты унижался передо мной. И он всегда останется с тобой. Именно из-за него я полюбила тебя. Да, Максим. И если ты думаешь, как же тебе сейчас хреново, а я вот такая сука, то это не совсем так. Точнее, совсем не так...

На самом деле, это я выбрала тебя для эксперимента, несмотря на то, что наш главный психолог, который изображал твоего соперника по телефону, был против твоей кандидатуры. Не беспокойся, кстати. С ним у меня ничего никогда не было и быть не может. Ты сейчас страдаешь из-за того, что потерял меня, а представь, какого мне, когда я за одну ночь потеряла и подругу, и тебя!

Я до сих пор вспоминаю наши с тобой первые дни. Ты был тем милым мальчиком, который получил, наконец, свой приз, свою мечту. Ты так смотрел на меня, когда раздевал, как будто происходит свершение всех твоих желаний в моем воплощении. Я не помню более счастливого момента в своей жизни, потому что тогда почувствовала себя самым дорогим и значимым человеком для кого-то. Я отдавала себя всю не ради работы. А просто потому, что могла сделать кого-то счастливым. Помню, как рисковала с тобой, когда до выхода на сцену оставались считанные минуты, а ты еще был во мне. Но я всегда доставала для тебя контрамарки. Даже после случая, когда в свете софитов на телевидении явно было видно, что на сцене я без лифчика и без трусов. А удерживать внутри себя сперму очень нелегко: ты сам чувствовал, как работает мое влагалище во время пения. Забавно тогда получилось, помнишь?

Конечно, работа – прежде всего. И в мою задачу входило проверить, как будет вести себя человек твоего типа, получивший в свои руки абсолютную власть. На каком этапе он становится несчастен. И какие качества потребуются в будущем «изделию», чтобы клиент был счастлив постоянно после приобретения робота. Я тебе стала противна. И меня это огорчало, хоть я и понимала, что работаю и что твоя реакция вполне предсказуема. В какой-то мере, можно сказать, что это я тебя сделала таким невыносимым.

На последнем этапе психологам было интересно узнать:

победит ли в тебе чувство собственности или же ты, сжалившись, отпустишь меня, согласившись на то, что я, якобы, возненавижу тебя. Был еще и третий вариант... Это я попросила Тома, чтобы он подтолкнул тебя к мысли жениться на мне, хотя по правилам эксперимента в его задачу как раз входили противоположные агитации. Мне же предписывалось лишь строго следовать правилам и запрещалось включать стандартные «женские штучки» для охомутания. В случае брака, мой гонорар удваивался. Потому что брак означал бы то, что мне удалось выделить тот тип личности, какой мы искали – который в будущем не обойдется лишь роботами, а предпочтет живого человека и семью. Поэтому я выбрала именно тебя для эксперимента. Директор, который тебе представился, как Артемий Лазаревич, не разделяет моего мнения, полагая, что ты, все-таки «свободная птица», а по отношению ко мне у тебя лишь чувство собственности. Однако, этот вопрос так и остается открытым...

Но не только ради решения этого вопроса я хотела, чтобы ты женился... Брак означал бы досрочное окончание эксперимента... От которого я устала. Устала от твоего пренебрежения. Да и ты вел себя так по отношению ко мне, потому что искал во мне живого человека, а мне приходилось изображать покорного робота. И ты вместо меня находил лишь что-то тряпичное. Порой я на самом деле плакала. Поэтому ждала возможности снова хорошенько попустить тебя с небес на землю. Чтобы снова быть вместе. По-настоящему

вместе. Как в самом начале, когда нам обоим было хорошо. Хоть какое-то время...

Ты прости меня, пожалуйста. И не сердись. Хотя, я понимаю, что эта просьба нелепа. Мне очень нужны были деньги. И появилась возможность их заработать, пройдя жесткий отбор в крупную корпорацию, которая проводит свои эксперименты по всему миру. Я всегда мечтала уехать жить в Вену. Научиться петь у лучших мастеров. Это то, чему я действительно хочу посвятить свою жизнь.

Сейчас ты ненавидишь меня. Я знаю. Но пройдет время, и ты поймешь, что получил хорошую прививку от таких, как я. И надеюсь, хоть в этом будешь благодарен мне. Спасибо и тебе... Оказывается, у меня тоже есть чувства.

После сегодняшней ночи меня может начать искать полиция. Поэтому я, как и вся наша группа, должна покинуть страну. Ты же всего лишь «жертва» относительно закона. Поэтому прости ещё раз. И прощай.

Твоя Катя.

P.S. Как же мне сейчас не хватает нашей с тобой минутки нежности!!!

P.P.S. А по поводу Светки, ты все-таки, кобель и засранец!”

* * *

На полосу вырулил самолет с красно белым хвостом. И Макс вцепился пальцами в забор. Нагретый воздух под кры-

льями замерцал преломлением света, которое обозначило взлетный режим двигателей. Издалека донесся рык дракона, и уже через несколько секунд самолет оторвался от покрытия полосы. Затем, изменив угол атаки, он стремительно взмыл ввысь, попутно убирая шасси, недавно связывающие лайнер с землей города, который был родным для Макса и Кати. С горящими, как глаза у Змея Горыныча фарами, он уносил с собой красавицу куда-то очень далеко.

Макс смотрел на исчезающий в облаках самолет Австрийских Авиалиний и улыбался. Улыбался, несмотря на дикую душевную боль. Сейчас для него не имело никакого значения, как должен измениться мир с наступлением волны новой промышленной революции. Он улыбался, потому что где-то в мире существует реальная девушка, которую он любит, даже несмотря на то, что она не с ним. Любит со всеми ее недостатками, с тараканами в голове, с ужасным на самом деле характером. Ведь она существует. Настоящая и любимая Катя.

IV. Вместо эпилога

Первые месяцы после того, как все закончилось, Макс по долгу не мог заснуть. Часто, уже находясь на границе сна, он чувствовал, как Катя привычно обнимает его и просыпался, ощущая спиной лишь холод стены после пробуждения. Иногда после работы он, забывшись, на автомате ехал к консерватории, чтобы встретить её у входа. Даже опомнившись и осознавая всю нелепость своего поведения, он садился на

скамейку и подолгу вглядывался в лица выходящих студентов.

Как-то раз он поехал к Катиной съемной квартире и, позвонив зачем-то в дверь, узнал от новых жильцов, что он ошибся адресом. Макс подолгу гулял в парках, где они с ней когда-то предавались разврату, ходил в кино, покупая сразу два места, а в их любимой кафешке он подолгу задерживался, чтобы доделать начатый когда-то музыкальный портал для детей. Проект он впоследствии подарил консерватории под восторженные возгласы дирекции.

Рекрутинговая компания, которая делила этаж с «E.S.O.A.P. Company» тоже закрылась и съехала из-за наступившего кризиса. И лишь анонимные денежные переводы раз в месяц на пластиковую карточку какое-то время еще доказывали, что что-то все-таки было на самом деле. Но когда через десять месяцев закончили приходить и они, то его уже ничто не связывало с той историей. И, мало-помалу, у Макса перестало ёкать сердце каждый раз, когда он видел проходящую мимо девушку с вьющимися русыми волосами.

Но примерно через год в декабре, когда Макс уже стал сомневаться в своих воспоминаниях, решив, что для него самого будет лучше поверить, что все произошедшее с ним ему лишь померещилось, посыльный принес ему плотный конверт. Вскрыв его, Макс увидел билет в первый ряд Венской Оперы: «Свадьба Фигаро. Рождественский сезон».

Ришон-ле-Цион.

04.04.2016